

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 и 16 КАЖДАГО
МѢСЯЦА.

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если прислаивы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

6-го сего октября, скорымъ поѣздомъ, Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Николай Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій выѣзжаетъ въ Петербургъ для присутствования въ Государственномъ совѣтѣ. Всякаго рода дѣловыя бумаги направлять по адресу: Петербургъ, Б. Подъяческая 32.

ской духовной семинаріи *А. Семеновъ*, кандидатъ Петербургской духовной академіи (15/IX).

Назначенъ на вакансію священника при Кълецкой тюрьмѣ бывшій діаконъ Варшавской Успенской церкви *А. Фортунатовъ*, рукоположенный во іерей 25-го сего сентября (19/IX).

На освободившуюся при Варш. Успенской церкви вакансію штатнаго діакона назначенъ состоявшій при той же церкви на вакансіи старшаго псаломщика діаконъ *Г. Иматовъ*; его мѣсто предоставлено б. младшему псаломщику *Скачкову*; младшимъ псаломщикомъ назначенъ переведенный изъ Плоцкаго собора старшій псал. *А. Шашильковъ*, а вакансія сего послѣдняго предоставлена младшему псаломщику того же собора *А. Шаповалу*.

Назначены законоучителями: Кутновскихъ городскихъ начальн. училищъ свящ. *П. Кудрявцевъ* Гостынинской частной съ правами муж. гимназіи—свящ. *Е. Любомудровъ*; Слупецкихъ город. начальн. училищъ—свящ. *И. Галежа*, блюстителемъ и законоучителемъ Липновскаго городского нач. училища—свящ. *А. Шафрановскій*.

По представленію начальника Сувалкской учебной дирекціи, разрѣшено псаломщику *П. Крашкевичу* (съ семинарскимъ образованіемъ) преподаваніе русскаго языка, ариѳметики, исторіи и географіи въ Августовскомъ 4-кл. городскомъ училищѣ—по частному найму.

Назначенъ Епархіальнымъ архитекторомъ Варшавской епархіи—гражданскій инженеръ *С. Макаровъ* (12/IX).

Утверждены, по избранію, въ должности старосты: Опочненской церкви—мировой судья *Ө. И. Дорошукъ*, Козеницкой церкви—отставной генераль-майоръ *Г. П. Семеновъ*.

Утверждены, по избранію: начальникъ уѣзда *М. Д. Лабудзинскій*—предсѣдателемъ Олькушкаго церк.-приходскаго попечительства; *В. П. Тарановъ* и *В. Л. Курчинскій*—членами Козеницкаго попечитель-

ОТДѢЛЪ I.

Телеграмма Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнаго Архіепископа Николая:

Петербургъ, Министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Макарову.

Искренно и вседушевно привѣтствую Васъ, Александръ Александровичъ, съ назначеніемъ на постъ министра. Господь, возложившій на Васъ этотъ тяжелый крестъ, вѣрую, — Самъ и поможетъ Вамъ въ этомъ крестопошеніи. Божіе благословеніе да будетъ съ Вами всегда.

На эту телеграмму полученъ слѣдующій отвѣтъ:

Отъ всего сердца благодарю Ваше Высокопреосвященство за выраженныя Вами чувства и искренне прошу Вашего благословенія на предстоящій мнѣ тяжелый подвигъ; не оставьте меня, Владыко, Архипастырскими молитвами Вашими.

Макаровъ.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Утвержденъ—по избранію—духовникомъ второго благочинническаго округа настоятель Лодзинскаго собора прот. *А. Рудлевскій* (10/IX).

Назначенъ на вакансію настоятеля Кибартской церкви (Вержболово тожъ) преподаватель Холм-

ства; *А. С. Бѣдо* и *А. В. Захаревичъ* — представителями отъ прихожанъ Козеницкой церкви; *Н. О. Зыбинъ* членомъ приходскаго совѣта Варш. Успенской церкви; д. с. сов. *Н. Я. Токаревъ*, инж. *А. М. Левицкій* и ст. сов. *В. В. Урусовъ* членами приходскаго совѣта Варш. Подвальной церкви.

Преподано Архипастырскоо благословеніе съ выдачею грамотъ: председателю Опочненскаго церк.-стр. комитета *И. П. Вирюкову*, члену комитета *Н. М. Клейзеру*, настоятелю Томашевской церкви свящ. *С. Волжановичу* — за труды и хлопоты по созданію Опочненской церкви; Петербургскому гражданину *А. А. Кобыцесу* — за пожертвованіе въ ту же церковь плащаницы; *Н. М. Митрофанову* за 9-лѣтнюю безпорочную и полезную службу въ должности старосты Праснышской церкви.

Отношеніемъ отъ 16/IX за № 12909 и отъ 23/IX за № 3572 на имя Его Высокопреосвященства, — Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства увѣдомилъ, что священники: Варшавскаго крѣпости собора *Н. Гончаровъ* и церкви 171 пѣх. Кобринскаго полка (кв. г. Гродно) *В. Кристаловъ* перемѣнены одинъ на мѣсто другого; Благочинный неподвижныхъ церквей Варшавскаго военнаго округа, настоятель Варш. крѣпостнаго собора прот. *В. Тихомировъ* и благочинный военныхъ церквей Ковенской крѣпости, настоятель Ковенскаго крѣпостнаго собора прот. *К. Петровъ* для пользы службы перемѣнены одинъ на мѣсто службы, съ присвоеніемъ должности благочиннаго по мѣсту новаго служенія каждаго.

Волею Божіею умеръ 21 сего сентября псаломщикъ Слупецкой церкви *Арлюкъ*.

РАПОРТЪ

Настоятеля Сопоцкинской церкви священника *Іустина Палецкаго* Высокопреосвященнѣйшему *Николаю*, Архіепископу Варшавскому о вліяніи церковно-приходской школы.

Имѣю честь донести, что въ дни шатанія послѣ указа 17 апрѣля самыми стойкими ревнителями православія были ученики церковно-приходскихъ школъ. Много было случаевъ, что родители не пошли въ костелъ потому только, что дѣти (воспитанники церковно-приходскихъ школъ) противились этому. Викентій Ивановъ Бородюкъ, ученикъ Хоружевской церковно-приходской школы, о которомъ я докладывалъ Вашему Высокопреосвященству въ отчетномъ рапортѣ по благочинію за 1909 годъ, одинъ среди всей уклонившейся семьи остался вѣрнымъ сыномъ православной церкви и, не смотря на притѣсненія, до сихъ поръ ходитъ въ церковь и исполняетъ требы. Въ 1905 году ему было четырнадцать лѣтъ. Въ минувшемъ году послѣ Троицы онъ ушелъ на заработ-

ки въ Америку въ Кумберляндъ (New Cumberland) и въ далекой Америкѣ онъ такъ же усердно посѣщаетъ православную церковь, какъ онъ это дѣлалъ здѣсь на родинѣ; о Рудьковѣ имѣеть о немъ точныя свѣдѣнія, такъ какъ находится со своими прихожанами въ дѣятельной перепискѣ. Ушелъ онъ въ Америку отъ тяжелаго семейнаго положенія, что бы заработать денегъ, вернуться на родину и зажить самостоятельно. Но Викентій Бородюкъ не единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Точно такъ же и при такихъ же условіяхъ остался вѣрнымъ церкви одинъ изъ цѣлой семьи ученикъ Раковичской церковно-приходской школы *Стахій Іосифовъ Экстеровичъ*, которому теперь девятнадцать лѣтъ, а въ дни смуты въ 1905 году было только тринадцать. Третій случай былъ въ д. Романовщинѣ; остался вѣрнымъ церкви одинъ изъ цѣлой семьи *Иванъ Дорошко*. Мать его *Марія Дорошко* съ дочерью *Анной* ушли въ костелъ. *Иванъ Дорошко* не только самъ остался вѣрнымъ сыномъ церкви, но мало по малу возвратилъ въ лоно православной церкви и свою мать. Сестра его вышла замужъ за р.-католика и нѣтъ надежды, что возвратится. И не только мальчики, ученики церковныхъ школъ, были такъ стойки въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; есть такіе же случаи и среди ученицъ. Такова, на примѣръ, крестьянка д. Раковичи *Юліана Михайловна Бубель*, она тоже одна изъ цѣлой семьи осталась православной. Она теперь вышла замужъ за православнаго крестьянина *Франца* (на первыхъ порахъ послѣ Уніи давали дѣтямъ римско-католическія имена) *Михайлова Скочыша*.

Фактъ о томъ, что ксендзь подалъ прошеніе безъ вѣдома просителя, имѣлъ мѣсто въ прошломъ году въ Ригаловскомъ приходѣ. Крестьянинъ д. Ригаловки *Антонъ Ралевичъ*, когда къ нему пришелъ для увѣщанія о. *Порфирій Рудьковъ*, прямо заявилъ, что онъ прошенія не подавалъ. Потомъ оказалось, что прошеніе за него подалъ администраторъ Липскаго костела ксендзь *Залѣскій*; послѣдній мотивировалъ подачу этого прошенія просьбой жены *Ралевича*.

П. Сопоцкинъ, 24 августа 1911 г. № 187.

На семъ рапортѣ послѣдовала слѣдующая Архипастырская резолюція: „Напечатать сей рапортъ въ Варшавскомъ Епархіальномъ Листѣ съ приглашеніемъ и другихъ священниковъ сообщить о случаяхъ подобныхъ этому, если они были въ недавнее прошлое”.

Отъ Варшавской Духовной Консисто́риі.

Варшавская Духовная Консисто́рія Слушала: сданное Его Высокопреосвященствомъ отноше́ніе Господина Товарища Оберъ-Прокурора Святы́шаго Синода отъ 2 сентября с. г. за № 27250 при каковомъ отноше́ніи препровождены воззванія церковно-приходскаго попечительства при Рачковской церкви, Сувалкской губерніи, отправленные безъ разрѣшенія Предсѣдателемъ сего попечительства священникомъ В. Рашевскимъ въ Св. Синодъ съ просьбой о пожертвованіи на покунку дома для причта Рачковской церкви. На выше означенномъ отноше́ніи Его Высокопреосвященствомъ положена слѣдующая Архипастырская резолюція отъ 5 сентября с. г. за № 1624: „Сдѣлать священнику выговоръ за обращеніе безъ разрѣшенія Епархіальной Власти съ проше́ніемъ въ Синодъ и другія учрежденія“. Приказали: о вышеизложенной резолюціи напечатать въ Варшавскомъ Епархіальномъ Листкѣ для свѣдѣнія духовенства епархіи.

* * *

На одномъ изъ рапортовъ Благочиннаго епархіи о неисправномъ исполненіи замѣстителя принятыхъ на себя на время отпуска настоятеля прихода священническихъ обязанностей, Его Высокопреосвященствомъ, между прочимъ, положена такая Архипастырская резолюція: „Объявить духовенству Варшавской епархіи, что продолжительныхъ отпусковъ изъ прихода впредь не будетъ даваемо — пока не будетъ представлено согласіе заштатнаго священника исполнять всѣ службы и требы въ оставленномъ приходѣ. Для того же, чтобы духовенство знало: гдѣ и кто изъ заштатныхъ священниковъ живетъ, напечатать списокъ всѣхъ заштатныхъ священниковъ съ обозначеніемъ ихъ мѣста жительства. О всемъ вышепрописанномъ напечатать въ Варшавскомъ Епархіальномъ Листкѣ“.

Списокъ заштатныхъ священниковъ, проживающихъ въ Варшавской епархіи. I-й благочиннической округъ, священники: 1. Іоаннъ Панкевичъ (Прага, ул. Торговая № 40). 2. Антоній Шашкевичъ (Прага, Ново-Стальная № 10). 3. Іоаннъ Теляковский (дер. Константиновка, Варшавской губ. и уѣзда). Протоіереи: 4. Левъ Игнатовичъ (гор. Остроленка, Ломжинской губ.), 5. Іоаннъ Филатовичъ (Варшава, ул. Нововейская № 21 — выѣхалъ для леченія за границу). II-й округъ. По донесенію о Благочиннаго заштатныхъ священниковъ нѣтъ въ округѣ. III-й округъ. Священники: 1. Владиміръ Пасынковъ, 2. Михаилъ Мазановскій, оба проживаютъ въ гор. Плоцкѣ. IV-й округъ. 1. протоіерей Анастасій Старкевичъ (с. Голынка, Августовскаго уѣзда, Сувалкской губ.). V-й округъ. 1. священникъ Константинъ Николаевскій (гор. Островъ, Ломжинской губ.). VI-й округъ. Свя-

щенники: 1. Константинъ Владиміровъ, 2. Феодоръ Калиневичъ, оба проживаютъ въ гор. Кѣльцы. 3. Андрей Дѣдуникъ (пос. Солецъ, Илжецкаго уѣзда, Радомской губ.).

*

Опредѣленіемъ Варшавскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 12 сентября с. г. Епархіальный Архитекторъ Ф. Станишевскій уволенъ отъ сей должности и на его мѣсто назначенъ гражданскій инженеръ Сергій Макаровъ, проживающій въ г. Варшавѣ, Мокотовская 14, кв. 28, уголъ площади Спасителя, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) по требованію Епархіальнаго Начальства, г. Макаровъ обязанъ составлять проекты и смѣты какъ на новые постройки, такъ и на ремонтъ старыхъ и имѣть техническій надзоръ за производствомъ работъ, получая за это въ вознагражденіе своихъ трудовъ 4% со смѣтной суммы, считая въ томъ числѣ 2% за составленіе проекта и смѣты и 2% за наблюденіе за работами; 2) во время производства работъ по постройкѣ или капитальному ремонту церковей, инженеръ Макаровъ, обязанъ, по приглашенію Строительныхъ Комитетовъ, являться на мѣсто работъ для осмотра ихъ и дачи нужныхъ указаній, при чемъ онъ имѣетъ право входить въ соглашеніе съ Комитетами относительно удовлетворенія его прогонными и суточными деньгами, съ тѣмъ, чтобы прогонныя деньги не превышали суммы, установленной закономъ на три лошади; 3) всякія недоразумѣнія въ дѣлахъ о постройкахъ между архитекторомъ Макаровымъ и Строительными Комитетами разрѣшаются Епархіальнымъ Начальствомъ, постановленіямъ котораго Макаровъ обязанъ подчиняться безпрекословно; и 4) при постройкахъ церковей и другихъ зданій на средства благотворителей и вообще частныхъ лицъ, вопросъ о вознагражденіи за составленіе проектовъ и смѣты и за техническій надзоръ предоставляется взаимному соглашенію г. Макарова съ строителями или жертвователями, за постройки же церковей на счетъ церковно-строительнаго кредита выдавать 4% вознагражденіе со смѣтной стоимости построекъ.

Съ подлиннымъ вѣрно и. д. Столоначальника Консисто́риі М. Стаминъ.

ОТЪ ВАРШАВСКАГО ЕПАРХИАЛЬНАГО УЧИ- ЛИЩНАГО СОВѢТА.

Увольняется, согласно прошенію, учительница Томашовской церковно-приходской школы *Впра Ђлоусова*, отъ занимаемой должности, съ 1 сентября.

Переводится учительница Раковичской церковно-приходской школы *Ольга Петрова* въ Томашовскую церковно-приходскую школу, съ 1 октября.

Назначается на должность учителя Раковичской церковно-приходской школы помощникъ учителя церковно-приходской школы при Варшавскомъ Архіерейскомъ домѣ *Феликсъ Казимирскій*, съ 1-го октября.

Перемѣщаются для пользы службы учителя церковно-приходскихъ школъ: Варшавской при Архіерейскомъ домѣ *Николай Живлюкъ* и Калишской—*Николай Стась*, одинъ на мѣсто другого, съ 15 сентября.

Утверждаются въ должности Предсѣдателя строительнаго Комитета по постройкѣ церковно-приходской школы для дѣтей войскъ Репнинскаго гарнизона Подполковникъ *Пименовъ* и въ должности Членовъ сего Комитета: Священникъ *Барнабовъ* Подполковникъ *Тросницкій*, Штабсъ-Капитанъ *Кузнецовъ* и Прапорщикъ *Богдановъ*.

лаевскую церковь, съ указаніемъ Святѣйшаго Синода обращать сборъ приношеній на возстановленіе храма святителя Николая въ Мурахъ Ликійскихъ. Не смотря, однако, на собранныя для означенной цѣли средства, осуществленіе мысли А. Н. Муравьева не встрѣтило сочувствія ни со стороны вселенскаго патріарха и псидійскаго митрополита, принявшихъ въ свое вѣдѣніе приобрѣтенный А. Н. Муравьевымъ земельный участокъ, ни со стороны оттоманскаго правительства, призвавшаго, что означенный участокъ не можетъ быть собственностью иностранныхъ учреждений или лицъ.

Неоднократно предпринимавшіяся попытки закрѣпить упомянутый участокъ земли, перешедшій послѣ смерти А. Н. Муравьева сперва къ тещѣ графа Н. П. Игнатьева—княгинѣ А. М. Голицыной, а затѣмъ къ въ Бозѣ почивающему Великому Князю Сергію Александровичу, первому Августѣйшему Предсѣдателю Императорскаго Палестинскому Православнаго Общества, не достигли цѣли, а капиталъ, собранный на постройку храма, остается и донынѣ неиспользованнымъ.

Въ виду выяснившейся полной невозможности построить русскій храмъ въ Мурахъ Ликійскихъ, Августѣйшій Предсѣдатель Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Феодоровна возбудила вопросъ о сооруженіи храма во имя святителя Николая въ гор. Бари (въ Италіи), гдѣ нынѣ почиваютъ его святыя мощи и куда издавна и въ значительномъ числѣ стекается набожный русскій народъ на поклоненіе святынь. Положеніе здѣсь нашихъ благочестивыхъ паломниковъ настолько затруднительно, что вопросъ о помощи имъ является неотложнымъ. Не зная языка и мѣстныхъ обычаевъ, не имѣя въ Бари русскаго храма и православнаго священника, не находя тамъ даже страннопріимнаго дома, гдѣ бы можно было пріютиться, русскіе паломники попадаютъ въ совершенно безвыходное положеніе, подвергаясь всякаго рода испытаніямъ, нежелательнымъ особенно въ мѣстѣ нахождения величайшей святыни русскаго народа, поклониться которому составляетъ для многихъ нерѣдко мечту ихъ жизни.

Такое безпомощное положеніе русскихъ паломниковъ въ Бари давно озабочивало Августѣйшаго Предсѣдателя Палестинскаго Общества Великую Княгиню Елизавету Феодоровну, и посему Ея Высочество изволила выразить пожеланіе повергнуть вопросъ о постройкѣ храма имени святителя Николая и при немъ страннопріимнаго дома для русскихъ паломниковъ на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества.

Однако, предварительнаго осуществленія таковой мысли и имѣя въ виду, что паломническое движеніе въ Баръ-градъ пріурочивается, главнымъ

Отъ Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Въ 1850 году извѣстный русскій паломникъ-писатель А. Н. Муравьевъ возбудилъ вопросъ о возстановленіи развалинъ храма святителя Николая въ Мурахъ Ликійскихъ, гдѣ первоначально почивали его святыя мощи, до перенесенія ихъ въ 1887 г. въ Баръ-градъ, для чего собралъ путемъ пожертвованія средства, на которыя и приобрѣлъ въ Мурахъ Ликійскихъ земельный участокъ вмѣстѣ съ развалинами древняго храма. Благочестивая мысль А. Н. Муравьева встрѣтила повсемѣстно живѣйшій откликъ, послѣдствіемъ чего въ С.-Петербургѣ, на 2-й улицѣ Песковъ, была устроена часовня, обращенная затѣмъ въ Александро-Нико-

образомъ, къ паломничеству въ Іерусалимъ, Ея Императорское Высочество признала соотвѣтственнымъ цѣлямъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, дабы Совѣтъ онаго принялъ въ свое вѣдѣніе настоящее дѣло, и вмѣстѣ съ симъ возложила на Совѣтъ Общества порученіе работать дальнѣйшій планъ дѣйствій въ указанномъ Ея Высочествомъ направленіи и, прежде всего, командировать въ Бари довѣренныхъ лицъ, съ цѣлью выяснитъ на мѣстѣ возможность осуществленія предполагаемыхъ сооруженій и, если представится случай, теперъ же пріобрѣсти въ собственность Общества необходимый участокъ земли. Командированнымъ лицамъ удалось вскорѣ пріобрѣсти въ гор. Бари соотвѣтствующій цѣлямъ земельный участокъ, мѣрою болѣе русской десятины, и совершить предварительную запродажную запись, нынѣ закрѣпленную купчею крѣпостью.

Вослѣдовавшій за симъ всеподданнѣйшій докладъ Августѣйшаго Предсѣдателя Палестинскаго Общества Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны объ учрежденіи особаго Барградскаго комитета для сбора пожертвованій на сооруженіе храма въ гор. Бари и страннопріимнаго дома при немъ удостоился Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества утвержденія, при чемъ Государю Императору благоугодно было начертать: „Принимаю его подъ Свое покровительство“.

Въ составъ означеннаго Барградскаго комитета, отнынѣ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ, входятъ: предсѣдатель—членъ Государственного Совѣта, сенаторъ, гофмейстеръ князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, товарищъ предсѣдателя—сенаторъ П. И. Остроумовъ; члены: Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, камергеръ А. А. Нератовъ, предсѣдатель Училищнаго Совѣта при Святейшемъ Синодѣ протоіерей П. И. Соколовъ, академикъ архитектуры М. Т. Преображенскій, протоіерей І. І. Восторговъ и князь Н. Д. Жеваховъ.

Совѣтъ Общества счастливъ довести до свѣдѣнія всѣхъ сочувствующихъ настоящему святому дѣлу, что Государю Императору благоугодно было пожертвовать отъ Имени Ея Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны на постройку церкви и страннопріимнаго дома въ гор. Бари, въ Италіи, десять тысячъ рублей, и что на этотъ же предметъ отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны поступило въ Барградскій комитетъ три тысячи рублей.

Желающіе внести свою лепту на построеніе въ г. Бари храма во имя святителя Николая и страннопріимнаго при немъ дома благоволятъ обращаться въ Барградскій комитетъ находящійся при Им-

ператорскомъ Православномъ, Палестинскомъ Обществѣ— въ С.-Петербургѣ, Вознесенскій проспектъ, д. № 36.

С П И С О К Ъ

учениковъ Варшавскаго духовнаго училища на 1911—12 учебный годъ.

Приготовительный классъ.

1. Аксентьевъ Александръ, 2. Атанасовъ Иванъ,
3. Бариновъ Сергѣй, 4. Бойковъ Иванъ, 5. Борякъ Алексѣй,
6. Бранковскій Владимиръ, 7. Ватманъ Владимиръ,
8. Вельтищевъ Александръ, 9. Высоцкій Константинъ,
10. Гаель Василій, 11. Дорошенко Петръ,
12. Дубецъ Степанъ, 13. Дубицкій Александръ,
14. Дудзинскій Георгій, 15. Езерскій Борисъ, 16. Забавскій Константинъ,
17. Злотниковъ Георгій, 18. Игнатюкъ Іосифъ,
19. Ильяшукъ Николай, 20. Кныжъ Константинъ,
21. Корневъ Сергѣй, 22. Куликовъ Петръ,
23. Лампицкій Александръ, 24. Лапидасъ Ѳеофилъ,
25. Лугинъ Александръ, 26. Люевичъ Николай,
27. Мельникъ Василій, 28. Мигай Василій,
29. Михайловъ Константинъ, 30. Муриновичъ Борисъ,
31. Наумченко Николай, 32. Наумокъ Владимиръ,
33. Очеретько Иванъ, 34. Павловскій Яковъ,
35. Парашинъ Сергѣй, 36. Петренко Михайлъ,
37. Петровъ Николай, 38. Прокофьевъ Николай,
39. Сергѣевъ Іаковъ, 40. Соловинскій Борисъ,
41. Сапелкинъ Александръ, 42. Сукачъ Константинъ,
43. Сълаковъ Василій, 44. Теодоровичъ Климентъ,
45. Турчинъ Василій, 46. Филимоновъ Николай,
47. Филиппюкъ Степанъ, 48. Холодовъ Александръ,
49. Черномазовъ Александръ, 50. Чупринъ Григорій,
51. Щепанскій Иванъ, 52. Яшинъ Иванъ.

Первый классъ.

1. Абрамовъ Сергѣй, 2. Барнабовъ Михайлъ,
3. Барнабовъ Шалва, 4. Безобразовъ Михайлъ,
5. Богомолъ Георгій, 6. Бородкинъ Александръ,
7. Бородкинъ Яковъ, 8. Бѣловъ Константинъ,
9. Вараксо Сергѣй, 10. Васильевъ Николай,
11. Виноградовъ Александръ, 12. Высоцкій Александръ,
13. Высоцкій Иванъ, 14. Галяминъ Петръ,
15. Говоръ Александръ, 16. Горошевичъ Леонтій,
17. Грушецкій Владимиръ, 18. Дмитрукъ Николай,
19. Ермоловичъ Сергій, 20. Жилейкинъ Иванъ,
21. Затеплинскій Владимиръ, 22. Камковъ Михайлъ,
23. Капуновъ Дмитрій, 24. Кладницкій Георгій,
25. Князевъ Владимиръ, 26. Корневъ Палладій,
27. Кошкыкъ Владимиръ, 28. Кречко Петръ,
29. Кузьминъ Антонъ, 30. Купча Александръ,
31. Лебедевъ Николай, 32. Лукьяновъ Василій,
33. Лѣсюкъ Михайлъ, 34. Матвѣевъ Сергѣй,
35. Мельникъ Константинъ,
36. Метафрастъ Алексѣй, 37. Морозовичъ Степанъ,
38. Мрочковскій Александръ, 39. Навара

Николай, 40. Новиковъ Иванъ, 41. Павловскій Георгій, 42. Петропавловскій Димитрій, 43. Петровъ Сергій, 44. Пономарчукъ Михаилъ, 45. Прохоровъ Гуліанъ, 46. Роговскій Петръ, 47. Самойлюкъ Степанъ, 48. Скокъ Семень, 49. Собчукъ Стахій, 50. Токарскій Анаталій, 51. Тыкевичъ Владимиръ, 52. Харлапъ Семень, 53. Черниковъ Николай, 54. Щука Николай, 55. Юшкевичъ Андрей.

Второй классъ.

1. Абрамовъ Анатолій, 2. Алексеѣнко Леонтій, 3. Бараповъ Павелъ, 4. Бариновъ Владимиръ, 5. Бондаренко Иванъ, 6. Бурундуковъ Борисъ, 7. Вельтищевъ Петръ, 8. Гавриловъ Феодоръ, 9. Гаель Николай, 10. Гапоникъ Михаилъ, 11. Гибздиловъ Константинъ, 12. Деминъ Александръ, 13. Дмитрукъ Константинъ, 14. Дорошенко Николай, 15. Ефимовъ Василій, 16. Живлюкъ Павелъ, 17. Зелинскій Всеволодъ, 18. Кладницкій Борисъ, 19. Кликочюкъ Иванъ, 20. Книжъ Владимиръ, 21. Колосъ Николай, 22. Кононовъ Иванъ, 23. Коныль Николай, 24. Котовичъ Борисъ, 25. Кузнецовъ Михаилъ, 26. Лазько Иванъ, 27. Левковичъ Сергій, 28. Линштремъ Владимиръ, 29. Максимчукъ Владимиръ, 30. Малючекъ Петръ, 31. Матвѣевъ Георгій, 32. Мезенцовъ Михаилъ, 33. Мойсеевко Петръ, 34. Наумюкъ Александръ, 35. Осадчій Михаилъ, 36. Остапчукъ Александръ, 37. Пацевичъ Владимиръ, 38. Петровъ Алексѣй, 39. Петрухинъ Андрей, 40. Пискоржевскій Викторъ, 41. Савчукъ Иванъ, 42. Севастьяновъ Петръ, 43. Соколовъ Владимиръ, 44. Сорока Александръ, 45. Степанюкъ Григорій, 46. Теодоровичъ Михаилъ, 47. Ужвій Евгеній, 48. Хитрунъ Владимиръ, 49. Шатовъ Сергій, 50. Юшкевичъ Димитрій.

Третій классъ.

1. Абрамовичъ Всеволодъ, 2. Аксентьевъ Николай, 3. Бекинъ Константинъ, 4. Борисевичъ Павелъ, 5. Булакъ Владимиръ, 6. Бурундуковъ Александръ, 7. Василевскій Александръ, 8. Гавриловъ Константинъ, 9. Демьянюкъ Николай, 10. Зайчикъ Иванъ, 11. Ильюкевичъ Александръ, 12. Истюкъ Даніиль, 13. Кавтунъ Борисъ, 14. Климуцъ Киприанъ, 15. Ковченковъ Владимиръ, 16. Козакевичъ Александръ, 17. Козловъ Степанъ, 18. Кондратьевъ Николай, 19. Лесько Василій, 20. Любимовъ Николай, 21. Максимчукъ Николай, 22. Медвлюкъ Владимиръ, 23. Мереновъ Феодоръ, 24. Молчановъ Владимиръ, 25. Морозовичъ Евгеній, 26. Найденъ Александръ, 27. Никитинъ Филиппъ, 28. Ничипорукъ Николай, 29. Панасюкъ Георгій, 30. Пархоменко Евгеній, 31. Портиковъ Петръ, 32. Пржехера Константинъ, 33. Прокоповъ Константинъ, 34. Просвѣтовъ Андрей, 35. Ралецкій Михаилъ, 36. Соколовъ Владимиръ, 37. Смирновъ Александръ, 38. Стрѣльцевъ Георгій, 39. Томецкій Анатолій, 40. Тро-

ицкій Алексѣй, 41. Фроловъ Алексѣй, 42. Чудновскій Иванъ, 43. Феодоровъ Михаилъ.

Четвертый классъ.

1. Бармута Николай, 2. Бондарукъ Константинъ, 3. Бортновскій Николай, 4. Вавренюкъ Николай, 5. Герасимюкъ Петръ, 6. Деминъ Иванъ, 7. Житниковъ Анапсій, 8. Ивановъ Владимиръ, 9. Игнатьюкъ Георгій, 10. Козаренко Георгій, 11. Копыль Константинъ, 12. Корылинскій Феодосій, 13. Корневъ Григорій, 14. Красуцкій Анатолій, 15. Лавренюкъ Александръ, 16. Львовъ Василій, 17. Маликовъ Иванъ, 18. Медникъ Петръ, 19. Медникъ Сергій, 20. Михалюкъ Константинъ, 21. Моложавый Михаилъ, 22. Окрасинскій Михаилъ, 23. Очередко Степанъ, 24. Пискорскъ Александръ, 25. Пржехера Петръ, 26. Садовскій Викторъ, 27. Смирновъ Димитрій, 28. Смирновъ Николай, 29. Стрѣльчикъ Николай, 30. Сурьяниковъ Михаилъ, 31. Чайковскій Иванъ, 32. Чувъ Никита, 33. Шумаловъ Александръ, 34. Щепинскій Евгеній, 35. Яценюкъ Владимиръ.

ОТДѢЛЪ II.

Б Е С Ъ Д А,

сказанная 17-го Сентября въ церкви 1-й женской гимназій—послѣ обѣдни.

(О христіанскомъ терпѣніи).

Въ терпѣніи вѣшаетъ стяжите души ваша (Лук. 21, 19); Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ (Матѣ. 10, 22).

Кромѣ любви къ Богу и ближнему, смиренія и послушанія,—Христосъ Спаситель, между всѣмъ прочимъ, заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ—христіанамъ, *еще и терпѣніе.*

Что же это за добродѣтель, и насколько она обязательна для насъ?

Терпѣніе есть безропотное перенесеніе всякаго рода обидъ, огорченій и озлобленій, причиняемыхъ намъ нашими ближними, — всякаго рода неудачъ житейскихъ — въ семейной, общественной, а для нѣкоторыхъ — и въ государственной жизни и дѣятельности,—преслѣдованій и даже мученій за правду, за вѣру, за Христа Спасителя, бываемыхъ по поущенію Божию. Христіанское терпѣніе не есть только *наружное самообладаніе, выдержки, результатъ извѣстнаго рода дрессировки*, —нѣтъ! Христіанское терпѣніе должно выражаться сколько вовнѣ, столько же и внутри: при наружномъ самообладаніи, спокойствіи—оно должно

быть и внутренне чуждо озлобленія, жажды мести, зложелательства, ропота,—исполнено мира, любви, всепрощенія...

Основой христіанскаго терпѣнія должны быть не гордость и презрѣніе къ страданіямъ своимъ и чужимъ, а напротивъ,—смиреніе и кротость—съ всецѣлою преданностію себя въ волю Божию (1 Петр. 2, 19—20).

Терпѣніе обязательно для всѣхъ христіанъ, — не для однихъ только монаховъ, отречшихся отъ міра и всѣхъ его благъ. „Безъ терпѣнія нѣтъ спасенія”,—гласитъ и народная мудрость,—основанная на духовномъ опытѣ многихъ поколѣній и многихъ вѣковъ.

Образцомъ терпѣнія для христіанъ долженъ быть Самъ Христосъ Спаситель. *Иже грѣха не сотвори, не обрѣтется лѣсть во успѣхѣ Его; иже укоряемъ противу не укоряше, стражда не прещаше: предающе же Судящему праведно* (1 Петр. 2, 22—23).

Такимъ терпѣніемъ отличались пророки, апостолы, множество мужей и женъ праведныхъ, особенно во времена гоненій (Іак. 5, 10—11). *До нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, страждемъ, и скитаемъ,*—пишетъ о себѣ и другихъ апостолахъ ап. Павелъ,—*укоряемъ благословляемъ, гонимъ терпимъ* (1 Коринѣ. 4, 11—12).

Трудно перечестъ всѣхъ христіанъ, которые претерпѣли всякаго рода страданія и мученія за вѣру Христову отъ іудеевъ и язычниковъ—въ первые вѣка христіанства: ихъ были цѣлые сонмы! Читая житія этихъ мучениковъ и мученицъ, поражаешься глубиною ихъ вѣры и любви ко Господу, ихъ безконечнымъ терпѣніемъ за свою вѣру, за христіанскія убѣжденія!—Являли это не только мужи и жены зрѣлаго возраста, но даже и дѣти.... Такъ, поминаемая нынѣ Церковью мученица *Вѣра, Надежда и Любовь*—были почти дѣти по возрасту: Вѣрѣ было 12 лѣтъ, Надеждѣ—10, а Любви всего 9 лѣтъ. Они жили во времена императора Римскаго *Адріана*, слѣдовательно—въ первой половинѣ 2-го вѣка,—въ Римѣ. Остались онѣ послѣ своего отца—язычника малолѣтними. Въ христіанской вѣрѣ воспитала ихъ мать ихъ *Софія*: она была благочестивая христіанка. Отличались эти дѣвы необычайной красотой. Императоръ *Адріанъ* сперва уговаривалъ ихъ отречься отъ Христа, обѣщая имъ всякаго рода блага земныя,—обѣщая ихъ имѣть у себя, какъ собственныхъ дочерей... Однакоже, всѣ эти приманки нисколько не подѣйствовали на нихъ: онѣ твердо исповѣдали себя христіанками. Тогда, по повелѣнію Императора, ихъ раздѣли и сѣкли бичами, терзали ихъ тѣла желѣзными клещами, сажали въ кипящее масло, на раскаленную сковороду, но ничто не дѣйствовало на нихъ. Онѣ, одна за другой, претерпѣвая жестокия муки, оставались тверды въ своемъ исповѣданіи.

Мать ихъ *Софія* утѣшала ихъ, ободряла и укрѣпляла надеждой на вѣнцы небесныя. Тогда, по повелѣнію императора, имъ всѣмъ тремъ отсѣкли головы... Мать все это видѣла, сама душевно страдая не меньше своихъ дѣтей. Какъ велики были эти страданія матери, можно судить по тому, что она сама, чрезъ три дня, скончалась, не отходя отъ могилы своихъ дѣтей *Вѣры, Надежды и Любви*. Св. Церковь причислила ихъ всѣхъ,—и мать и дочерей,—къ сонму св. мученицъ и поминаетъ ихъ ежегодно 17 сентября—въ день ихъ мученій.

Терпѣніе было одной изъ основныхъ добродѣтелей въ семейно-жизни христіанъ; оно вырабатывало крѣпкіе и сильные характеры, вносило въ семью *послушаніе*, сокращало всякаго рода домашнія нестроенія (Притчи 15, 18). Если случались несчастные браки, то супруги не разводились, а терпѣли другъ друга, считая все это, какъ *крестоношеніе*, ниспосылаемое Богомъ для испытанія вѣры и любви къ Богу... Эта же добродѣтель дѣлала и рабство игомъ удобоносимымъ. Все терпѣли ради Христа!

Къ сожалѣнію, въ настоящее время терпѣніе и смиреніе, равно какъ и послушаніе, — стали добродѣтелями немногихъ. Ихъ считаютъ несовременными, устарѣвшими, пережиткомъ. Теперь выдвигаются на первый планъ гордость, независимость во всемъ, свобода дѣйствій, польза личная, эгоизмъ и пр. и пр... Въмѣсто терпѣнія, теперь чаще всего можно встрѣтить нетерпѣливость и нетерпимость: каждый хочетъ все по своему дѣлать! Чуть что, сейчасъ же требуютъ удовлетворенія; обидь и оскорбленій не прощаютъ, но мстятъ, иногда и сугубо... Что дѣлаютъ взрослые, то повторяютъ и дѣти... Дѣти не приучены различать, что можно и чего не можно, что должно,—они знаютъ только одно: я хочу—и больше ничего! И вотъ объясненіе, почему жизнь семейная въ современномъ обществѣ такъ нескладна, отчего стали такъ часты разводы, убійства и самоубійства,—отчего дѣти становятся тиранами не только для прислуги и воспитателей, но и для отцовъ и матерей; отчего такая измѣна въ релігіозныхъ убѣжденіяхъ, что сегодня человекъ такой вѣры, а завтра—другой, смотря по тому, какія житейскія выгоды можно найти тамъ или здѣсь.

Нетерпѣливость, а вслѣдствіе этого и раздражительность, большею частію объясняютъ *темпераментомъ* и *нервозностью*, а поэтому считаютъ преступленія и проступки, совершаемые въ такомъ состояніи, невмѣняемыми. Правда, бываютъ причиной ненормальныхъ явленій въ жизни семейной, школьной и общественной—*темпераментъ* и *нервозность*, но не безусловно и не всегда. Въ большинствѣ, въ основѣ всѣхъ такихъ явленій бываетъ *неблагово-спитанность*. Если бы дѣтей съ раннихъ лѣтъ приучали къ *смиренію, терпѣнію и послушанію*,

тогда меньше бы было и всяких нестроений въ семейной, школьной и общественной жизни,—меньше было бы и преступлений. Это фактъ неоспоримый!

Будемъ же все это помнить и не будемъ не-терпѣливы. „Какъ же похвалиться намъ, говорить св. Феодоръ Студитъ, — въ будущемъ вѣкѣ, что и мы страдали за Христа, когда не переносимъ мужественно и благодушно даже малыхъ, встречающихся намъ неприятностей,—какого либо укора, пристыженія, посрамленія, обезчещенія, презрѣнія, — прибавлю еще сухояденіе, малопитіе, бѣднаго одѣянія, труда послушанія, ранняго пробужденія на службу, стоянія на молитвѣ, исполненія положенной зпитеміи. Ей, чада, будемъ переносить благодушно все трудное и неприятное, чтобы по правдѣ пѣть съ Давидомъ: *терпя потерпѣхъ Господа*, и за то, по милости Божіей, сподобиться сказать: *и вземъ ми и услыша молитву мою* (Псал. 39, 2). Въ будущемъ вѣкѣ другія иныя плодоприношенія предъявятъ: преблаженные мученики—кровь; преподобные отцы—величайшіе свои подвиги и дабродѣтели; *а мы, смиренныя,—претерпѣніе сказаннаго выше*. И я вѣрпо знаю, что не будемъ лишены части оныхъ, какъ удостовѣряетъ Божественный *Антоній*“*) *Аминь*.

НИКОЛАЙ, Архієпископъ Варшавскій.

1911 года 17 сентября

ВАРШАВА.

Р ъ Ч ъ,

сказанная новорукоположенному священнику Александру Фортунатову.

Итакъ, твое желаніе и твои исканія быть священникомъ на концѣ дней твоего земного бытія—исполнились: съ нынѣшняго часа ты—іерей Бога Вышняго! Поздравляю тебя съ исполненіемъ твоего желанія—и съ своей стороны желаю, чтобы ты былъ непостыднымъ дѣлателемъ въ виноградѣ Христовомъ,—чтобы и тебѣ, какъ и тѣмъ дѣлателямъ, что пришли въ единодесятый часъ дня,—сподобиться получить мзду равную со всеми прочими дѣлателями!

Не знаю, что ты теперь чувствуешь, и чѣмъ переполнена душа твоя въ сіи святія для тебя минуты: страхомъ ли и трепетомъ предъ предстоящимъ тебѣ высокимъ служеніемъ, или же только обыкновеннымъ чувствомъ удовлетворенія, что вотъ-де, наконецъ, достигъ своего, что будешь благословлять, будутъ тебѣ цѣловать руку, украсишься наперснымъ крестомъ, займешь современемъ штатное мѣсто въ Епархіи и пр.,—словомъ сказать,

что достигъ всего того, что составляетъ предметъ суетныхъ желаній, стремленій и надеждъ клириковъ твоего возраста и твоего положенія въ клирѣ? Дай Богъ, чтобы я ошибался въ семь разѣ относительно послѣднихъ предположеній, и чтобы ты дѣйствительно, какъ рабъ Христовъ, шелъ съ готовностью послужить для Бога и для ближнихъ, а также и для спасенія своей души—на концѣ дней своихъ!...

Паству твою будутъ составлять заключенные въ Кѣлецкой тюрьмѣ—*узники*, люди, большей частью, искалченные нравственно, а потому и требующіе особенной о себѣ попечительности. Люби свою паству всѣмъ сердцемъ и постарайся быть для нея добрымъ пастыремъ, право правящимъ слово истины,—не холоднымъ только требоиспителемъ, но и учителемъ вѣры и благочестія—словомъ и примѣромъ своей собственной жизни. Старайся стать ближе къ нимъ, чтобы они съ любовью и довѣріемъ относились къ тебѣ; посѣщай ихъ чаще, бесѣдуй о предметахъ вѣры и благочестія, читай имъ св. евангеліе и другія священные книги. Больно и тяжело слышать, что къ заключеннымъ ходятъ читать евангеліе и бесѣдовать духовно люди мѣркые и даже сектанты, но только не тѣ, кто къ этому призванъ и кто на это поставленъ Самимъ Богомъ.

Въ самомъ тяжкомъ преступникѣ можетъ быть нѣчто такое въ душѣ, что дастъ возможность ему покаяться и получить спасеніе во Христѣ Исусѣ: примѣръ этому—разбойникъ, висѣвшій рядомъ со Христомъ Спасителемъ на крестѣ, и множество тяжкихъ грѣшниковъ, покаившихся и достигшихъ вѣчно блаженной жизни. Посѣщая тюрьмы въ Привислинскомъ краѣ, я видѣлъ много заключенныхъ всякаго званія людей и слышалъ отъ нихъ многое такое, что трогало меня до глубины души. Особенно надобно обратить вниманіе на подростковъ, которые сидятъ въ тюрьмѣ за кражу, иногда незначительную... Здѣсь, въ тюрьмѣ, они узнаютъ часто то, чего не узнали бы, живя на волѣ. Вотъ на нихъ слѣдуетъ обратить свои взоры и всячески стараться, чтобы они не развращались, живя съ старшими себя. Для этого надобно просить кого слѣдуетъ, чтобы ихъ не смѣшивали съ большими преступниками. Все же прочее пусть подскажетъ тебѣ твоя собственная совѣсть...

Паки молитвенно и отъ всей души желаю тебѣ благоплодно трудиться на вручаемой тебѣ нивѣ и достигнуть непостыдной и мирной кончины, а также и добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовѣ,—*Аминь*.

НИКОЛАЙ, Архієпископъ Варшавскій.

1911 г. 25 Сентября

Варшава.

*) *Добротолубіе*, т. 4-ый стр. 153.

С Л О В О¹⁾

въ день Рождества Пресв. Богородицы.

„Страхъ передъ жизнью“.

Мы празднуемъ Рождество Богоматери, то желанное „рожденіе“, котораго съ такимъ святымъ нетерпѣніемъ, смиренной, но все увеличивающейся тревогой ждали престарѣлые и праведные Іоакимъ и Анна. Смыслъ всей ихъ жизни связывался съ ожидаемымъ „рожденіемъ“. Такова была вѣра всего іудейскаго народа, въ которой отражался библейскій взглядъ на жизнь, какъ высшій даръ Божій, на рожденіе дѣтей, какъ на благословеніе Творца. Не съ этимъ-ли, живымъ до сего времени, вѣрованіемъ въ жизнь, какъ высшее благо, связано многочадіе евреевъ, чистота ихъ семейнаго очага, ихъ стойкость въ жизни, ихъ способность быть довольнымъ самимъ небольшимъ, ихъ, наконецъ, сила въ жизни всѣхъ народовъ и странъ?!... Но христіанство еще возвысило взглядъ на жизнь, ибо въ Основателѣ его жизнь человѣческая соединилась съ жизнью Божества, приобрѣтено „усыновленіе“, люди стали называться „дѣтьми Божиими“, и какъ дѣти, усыновленные своему Отцу, получаютъ отъ Него благодатные дары, цитаются отъ Источника жизни; какъ будто возстановлено райское состояніе человѣчества, ибо тѣ скорби и горечи жизни, которыя вызывали въ язычникѣ—отчаяніе, христіаниномъ понимаются, какъ необходимый путь нравственнаго усовершенствованія, какъ иго благое и бремя легкое, какъ путь тернистый, но вѣрно ведущій въ Царствіе Небесное—последнюю и желанную цѣль христіанина. И въ самомъ дѣлѣ: какъ много отрады, смысла и цѣлей въ жизни человѣческой, во всѣхъ ея возрастахъ. Еще только ожиданіе „новой жизни“, ожиданіе рожденія — какою радостью должно наполнять сердце родителей: явится въ міръ новое существо, какъ новая звѣзда, способное своей богоподобной душой проливать свѣтъ отъ своего разума, любовь отъ своего сердца и съ волей способной творить много добра!.. И какой широкой просторъ представляетъ этотъ лучшій изъ міровъ для жизни сегодня еще малютки, а тамъ—отрока, бойкаго, рѣзвого юноши, полнаго энергіи и силы мужа—отца семьи, наконецъ и старца, убѣленнаго сѣдинами мудрости! Сколько добра и правды, казалось бы, внесутъ эти — все новыя и новыя жизни въ общую сокровищницу человѣчества, какъ просвѣтлѣетъ человѣчество разумомъ своихъ тружениковъ, какъ отъ накаплимаго поколѣніями блага — станетъ легче и желаннѣе жизнь и продолженіе ея, и все ближе и ближе будетъ „Цар-

ствіе Твое“. Да, такъ бы должно быть, но современность часто являетъ намъ другое... Мы знаемъ, что „рожденія“ уже далеко не такъ желанныя явленія... Какъ будто забыта благословенная цѣль брачной жизни—рожденіе дѣтей,—боятся этой радости жизни. Уже мало заманчиваго для современнаго человѣка въ тишинѣ семейнаго очага, и появленіе новой жизни встрѣчается съ тревогой и досадой, доводящей нерѣдко до преступленія... Нежеланныя дѣти! — бѣдные вы, — вы отомстите жизни—отричаніемъ ея.. И это отричаніе жизни, этотъ „страхъ передъ жизнью“ сталъ столь обычнымъ явленіемъ для нашего времени, что по справедливости останавливаетъ на себѣ вниманіе общественныхъ наукъ и предъ каждымъ мыслящимъ человѣкомъ онъ стоитъ грознымъ призракомъ... Удивительная эпоха и взглядъ на жизнь... Подумайте: не желанной-ли должна быть жизнь—теперь, въ вѣкъ пара, электричества, телефоновъ, авіаціи, когда человѣкъ получаетъ все новыя удобства, когда все стремится къ облегченію условій существованія, когда жизнь обѣщаетъ вскорѣ сдѣлаться почти—что земнымъ раемъ, — и между тѣмъ все бѣльшее число людей боится жизни; не хотятъ жить, и постоянно увеличивающееся число недовольныхъ стремится достигъ путемъ самоубійствъ желаннаго „сна безъ грезъ“. Чему приписать этотъ непонятный страхъ передъ жизнью, это бѣгство отъ благъ культуры? Значитъ, эти реальныя жизненныя удобства не примиряютъ съ жизнью, не создаютъ рая на землѣ? Значитъ удовлетвореніе страстей и удобства для тѣла, пользование всѣми возможными и все болѣе утонченными удовольствіями не исчерпываютъ сферы человѣческихъ потребностей? Значитъ, не смотря на пресыщеніе всякими дозволенными и недозволенными наслажденіями, можно имѣть специальный „голодъ“, котораго ничѣмъ нельзя успокоить и утолить, и только смерть можетъ положить предѣлъ вѣчнымъ какимъ-то неудовлетвореннымъ желаніямъ? Какой-же смыслъ тогда пресловутыхъ теорій о всеобщемъ счастьѣ, основанномъ на сытости желудка и на полномъ удовлетвореніи другихъ страстей, какъ единственнымъ средствѣ противъ всѣхъ страданій человѣчества?

Если-бы бѣжали отъ жизни—черезъ самоубійства только нищѣ и вообще бѣдняки,—можно было-бы предположить, что именно отсутствіе жизненныхъ удобствъ, невозможность пользоваться изобрѣтеніями и благами матеріальной культуры, неудовлетворенное стремленіе къ наслажденіямъ побуждаютъ человѣка къ самоубійству. Но на свѣтѣ бываетъ совсѣмъ иначе: бѣгутъ отъ жизни не тѣ, которые борются съ превратностями судьбы и добываютъ кусокъ хлѣба тяжкимъ трудомъ, а именно больше всего тѣ, которымъ судьба не жалѣетъ своихъ даровъ, которые получаютъ въ

¹⁾ Произнесено въ Варш. Каодр. Соборѣ 8 сентября 1911 года.

жизни много, слишком много наслаждений, дохода до пресыщения... Примѣровъ тому множество: помните—этой весной на одной изъ дачъ въ окрестностяхъ Петербурга. Богатый молодой человекъ устраиваетъ у себя ширь, сзываетъ гостей, гремитъ музыка, веселіе... Театрально хозяинъ держитъ рѣчь къ гостямъ и заканчиваетъ рѣчь выстрѣломъ въ себя на глазахъ всѣхъ гостей. Или случай — еще характернѣе: въ Одессѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: молодой человекъ, скорее юноша — 17 лѣтъ, талантливый, труженикъ пера, любящій и любимый сынъ родителей, вернувшись изъ концерта Кубелика, убиваетъ себя, оставляя письмо, что музыка открыла ему такіе горизонты недосягаемого, что жить дальше на землѣ нельзя...

Почему-же нельзя? Откуда это преждевременное утомленіе жизнью, это отвращеніе къ ней, когда впереди еще возможны десятки лѣтъ жизни? Главной причиной этого печальнаго „дезертированія“ молодыхъ жизней надо признать духовный голодъ, котораго, очевидно, нельзя утолить благами культуры, наслажденіями жизни, который, производя разладъ въ духовно тѣлесной природѣ человека, приводитъ къ мысли о безцѣльности и бессмыслии жизни человѣческой, узко понимаемой. И когда тѣлесная сторона жизни перестала давать интересъ, открывается пустота, бездна, и слѣдуетъ расчесть съ жизнью. Вѣдь, если все исчерпывается видимостью этой жизни, жизнью тѣла и его интересами, а послѣдніе уже не удовлетворяютъ меня, то язычникъ-римлянинъ былъ правъ, когда училъ (стойки), что если кому нибудь жизнь становится въ тягость, то ее можно считать комнатою, которую можно оставить, потому что она наполнена удушливымъ чадомъ... И только христіанство, съ его вѣрой въ безсмертіе души человѣческой, въ будущую загробную жизнь, въ вѣчное царство со Христомъ—можетъ дать истинный неизживаемый смыслъ жизни, можетъ наполнить нашу жизнь истиннымъ содержаніемъ. Только человекъ, освѣщающій свою жизнь христіанскими идеалами, понимаетъ свое земное назначеніе, и будетъ-ли онъ съ пятью талантами, или только съ однимъ, онъ будетъ чувствовать себя всегда потребнымъ работникомъ въ христіанскомъ виноградникѣ.

Христіанскій идеалъ царствія со Христомъ можетъ быть прочной основой жизни и для тѣхъ, которые хотя не пресыщены жизнью и радостями ея, но тяготятся жизнью, потому что боятся соприкосновенія съ трудностями и неприятностями жизни, которые не находятъ мужества предъ тяготой и горемъ жизни человѣческой. А такихъ теперь—немало. Жизнь—борьба; для борьбы нужно мужество, а его можно почерпнуть только въ вѣрѣ во Христа Спасителя Нашего, въ божествен-

ныя обѣщанія счастливаго будущаго для исполняющихъ волю Творца. „Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“... (Мѡ. XI, 28)

Безъ вѣры въ христіанскіе идеалы духъ человѣческій замираетъ, какъ безъ солнца вянетъ цвѣтокъ,—боится жизни, отрекается отъ существованія...

Только языческимъ міропониманіемъ, языческимъ строемъ жизни можно объяснить это печальное явленіе современности, — эти раннія, преступныя смерти.

Вспомнивая Рождество Богоматери, праведныхъ родителей Ея, жизнь которыхъ была въ Богѣ и ради Бога, которые рожденіе своего желаннаго чада соединили съ обѣтомъ посвятить Ее Богу,—мы — родители, также любящіе своихъ дѣтей и желающіе имъ долгодѣтнаго жизненнаго блага — будемъ помнить, что благо, счастье жизни нашихъ дѣтей неотдѣлимо отъ святыхъ завѣтовъ христіанства.

Дурно, небрежно, въ суетѣ сего міра воспитанныя, не согрѣтыя въ душѣ своей идеалами и чаяніями нашей христіанской вѣры, они—наши дѣти выйдутъ въ жизнь безъ того надежнаго кормила, которое одно способно провести ихъ благополучно среди рифовъ, скалъ и волнъ жизни; съ нимъ они—не потонутъ, —а если этого христіанскаго кормила нѣтъ,—вѣрьте —ничто не предохранитъ ихъ отъ крушенія... Царица Небесная! будь Ты „сихъ малыхъ“ путеводительницей и защитой.

Священникъ *Т. Теодоровичъ.*

6 сент. 1911 г.

Варшава.

Надгробное слово при отпѣваніи Протоіерея Іосифа Лавровскаго.

Блаженъ путь въ онъ же идиши днесъ, душе, яко уготована тебѣ мѣсто упокоенія.

Кончился одинъ путь, начинается другой; кончилась путь земной, начинается небесный; кончилась земная жизнь, начатая безпомощнымъ крикомъ младенца и завершившаяся смертельнымъ стономъ умирающаго старца; начинается новая небесная жизнь, невѣдомая намъ земнымъ, но несомнѣнно существующая, въ которую мы отправляемъ душу почившаго собрата нашего, духовнаго отца вашего и пастыря съ искреннимъ пожеланіемъ: да будетъ блаженъ этотъ путь, да будетъ уготовано ей мѣсто вѣчнаго упокоенія. Выбылъ изъ рядовъ работниковъ на нивѣ Христовой, собратъ нашъ о. Іо-

сифъ, оставилъ васъ отецъ вашъ духовный,—мужъ и отецъ дѣтей—не стало добраго о. Иосифа. Средней продолжительности была земная жизнь о. Иосифа,—онъ умеръ на 62-мъ году жизни, изъ нихъ 34 года съ мѣсяцами священствоваль. Тридцать послѣднихъ лѣтъ я не только зналъ о. Иосифа, но вмѣстѣ съ нимъ работаль съ начала въ Холмской епархіи, а потомъ въ Варшавской. Какъ очевидецъ и сороботникъ позволяю себѣ у гроба почившаго сказать послѣднее надгробное слово.

Родившись въ сосѣдней къ Холмской Руси Галиціи, почившій былъ привезенъ въ городъ Холмъ еще юнымъ отрокомъ; въ Холмѣ онъ воспитывался; въ Холмской Классической гимназіи окончилъ полный курсъ, а потомъ въ Холмской Духовной Семинаріи изучаль въ теченіе трехъ лѣтъ богословскіе предметы на такъ пазываемыхъ богословскихъ курсахъ. Окончилъ среднее образованіе въ городѣ Холмѣ въ 1874 году. Припомните хронологическую дату — 1875 годъ—это годъ воссоединенія Холмской уніатской Руси съ православною русскою церковію; предшествовавшіе этой датѣ годы были годами неимовѣрно трудной подготовительной работы къ воссоединенію, вся эта работа совершилась главнымъ образомъ духовенствомъ епархіи, въ рядахъ котораго одно изъ выдающихся мѣстъ занималь отецъ почившаго о. Иосифа. Юноша видѣлъ воодушевленную идейную, святую работу отца и духовенства вообще, и самъ воспламенился ревностію къ православной вѣрѣ и русской народности. Пробывъ затѣмъ два года за границей для завершенія своего образованія въ Лейпцигскомъ университетѣ и консерваторіи, онъ въ ноябрѣ 1876 года принимаетъ священство и становится въ первые ряды дѣлателей въ религіозно-патріотической работѣ въ Холмской руси; съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и не ослабнующею энергіей работаетъ онъ въ званіи настоятеля сначала Растокскаго прихода, а за тѣмъ Савинскаго—близъ центра религіозно-патріотической дѣятельности города Холма. И эта работа продолжалась до 1 апрѣля 1890 г. Много радостей, но еще больше скорбей пришлось пережить за это продолжительное время дѣйствованія о. Иосифу. Побѣжденные уніатскимъ и православнымъ духовенствомъ въ годы воссоединенія, польско-католическіе дѣятели не сложили своего оружія, наоборотъ, посрамленные, стали наугадъ всѣ усилія къ тому, что бы вернуть принявшихъ православіе уніатовъ и не въ унію, а прямо перевести ихъ въ латинство, сдѣлать ихъ поляками, католиками, преданными слугами Папы римскаго. Началась страшно ожесточенная, продолжительная борьба между духовенствомъ двухъ церквей православной и латинской. И въ этой борьбѣ за вѣру и народность прошли лучшіе годы о. Иосифа. Стоя на стражѣ своей паствы, онъ непрестанно проповѣ-

дываль, усердно училъ взрослыхъ и дѣтей, открывль на средства прихожанъ церковно-приходскую школу; какъ обладающій музыкальнымъ образованіемъ, завелъ въ приходѣ церковный хоръ и общее пѣніе въ церкви; изыскиваль средства на поддержаніе и благоуукрашеніе храма.

Снисходя усиленнымъ просьбамъ семьи, онъ оставляетъ свой сторожевой и боевой постъ, и, по прошенію Высокопреосвященнѣйшимъ Леонтіемъ переводится на должность помощника настоятеля къ Плоцкому Собору, въ 1890 году. Мѣнѣ отвѣтственная должность и иной составъ прихожанъ, благотворно подѣйствовало на о. Иосифа: здѣсь онъ могъ больше времени удѣлять себѣ и своему семейству, здѣсь онъ много читаль, занимался музыкой и особенно пѣніемъ—нѣсколько его духовныхъ музыкальныхъ произведеній напечатано и разрѣшено Св. Синодомъ къ употребленію при церковномъ богослуженіи. Все время пребыванія въ городѣ Плоцкѣ онъ исполняль обязанности полковаго священника при 1 и 2 Стрѣлковыхъ полкахъ, за что неоднократно получаль благодарность военнаго начальства и даже получилъ наперенный крестъ изъ Святѣйшаго Синода за заслуги по военному вѣдомству. Къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей относился всегда съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ, за что пользовался уваженіемъ и любовію со стороны прихожанъ собора и военныхъ частей. Пренеполненный добродушія и благожелательности, онъ всегда былъ гостепріимнымъ хозяиномъ и любилъ жить съ людьми, поддерживать съ ними общеніе, приходилъ къ нимъ съ матеріальною помощію и съ добрымъ совѣтомъ и содѣйствіемъ. Смѣло можно сказать, что враговъ у него не было, а почитатели и друзья были. Шестнадцать лѣтъ прожилъ о. Иосифъ въ г. Плоцкѣ. Въ 1906 году, по прошенію, онъ назначается настоятелемъ къ Влодавской церкви, гдѣ остается только нѣсколько мѣсяцевъ и за тѣмъ въ 1907 году переводится, по прошенію же, въ настоятели къ сей церкви, къ вамъ возлюбленные братья и сестры о Христѣ. Краткое сравнительно пребываніе его у васъ оставило слѣды его дѣятельности: по его инициативѣ и благодаря его стараніямъ построень каменный домъ при Министерскомъ двухклассномъ училищѣ; онъ всею душою желаль построить новый обширный храмъ, усердно собираль здѣсь на мѣстѣ деньги на постройку храма и писалъ въ разныя мѣста Россіи и за границу, выясняя важность и необходимость постройки величественнаго храма здѣсь у васъ, на самой западной границѣ. Организмъ его не выдержаль новаго напряженія силъ—онъ въ прошломъ году, какъ извѣстно вамъ, заболѣлъ, ѣздилъ лечиться за границу, въ Варшаву, Ковно . . . но, увы, сердце все слабѣе и слабѣе стало дѣйствовать, силы оставляли его хотя, и постепенно, но скоро . . . догорала

жизнь добраго пастыря... Это чувствовалъ самъ почившій, это видѣла его семья, весь приходъ. Когда то могучій дубъ, склонялся медленно къ землѣ и 24 августа былъ сваленъ съкирою незримаго садовника... Уста призывали Божіе благословеніе на жену и дѣтей, тѣло склонялось долу, къ землѣ, а душа отходила къ Пастыреначальнику Христу... Блаженъ путь въ онъже идеши днесъ, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.

Дорогой собратъ и сослуживецъ! здѣсь у твоего гроба позволъ мнѣ хотя не много открыть скрижали твоего сердца и прочесть изъ ней присутствующимъ хотя одну страницу, отъ первой и до послѣдней строки вся страница наполнена проявленіемъ одного чувства,—чувства любви къ ближнему. Любишь ты свою семью—жену и дѣтей безгранично, чѣмъ и какъ только могъ выражалъ заботу и попеченіе о нихъ до послѣдняго своего вздоха на землѣ. Преисполнено было любовію сердце твое къ нашему Архипастырю, Высокопреосвященнѣйшему Николаю, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому: предсмертное твое музыкальное произведеніе „Херувимская” была изготовлена къ печати съ посвященіемъ его милостивому Архипастырю. Любишь ты и свою Кибартскую паству и болѣла твоя душа отъ невозможности служить ей всею полнотою своей любящей души. Удерживаемый немоцію тѣла отъ исполненія требъ, ты непрестанно молился за свою паству и кратко назидалъ ее по примѣру Іоанна Богослова одними словами: „братіе, любите другъ друга—въ этомъ сила закона Христова, въ этомъ наше спасеніе”.—Доброжелательно относился ты къ инославнымъ и иновѣрнымъ лицамъ, и просвѣщенный твой умъ и гуманное сердце всегда находили доступъ къ душѣ обращающихся къ тебѣ... Довольно! настоящее собраніе молящихся, ихъ слезы и растроганныя лица, множество вѣнковъ и цвѣтовъ, ясно показываютъ, какъ ты былъ любимъ всѣми, какъ жалко всѣмъ съ тобою раставаться, какъ искренно всѣ желаютъ тебѣ Царства Небеснаго и упокоенія съ праведными.

Прощай незабвенный собратъ и сослуживецъ, дорогой о. Іосифъ! твоя душа съ нами сегодня пребывала и съ нами молилась. Твоей композиціе исполнялись намъ Херувимская пѣснь, милость мира и проч... Ты вмѣстѣ съ нами пѣлъ хвалу Господу. Да войдетъ душа твоя въ общеніе съ хоромъ небожителей и вовѣки да прославляетъ Господа! Тебя благословляетъ въ небесный и блаженный путь любимый тобою и любящій тебя Архипастырь нашъ. Онъ поручилъ мнѣ телеграммой возгласить тебѣ пожеланія Царства Небеснаго, а женѣ и сродникамъ выразилъ свое Архипастырское соболюбзнованіе. Прихожане помнятъ, какъ въ прошломъ году, во время посѣщенія Кибартъ, Владыка молился о болящемъ настоятелѣ; знайте же, что Архипастырь и нынѣ молился о почившемъ новопреставлен-

номъ Протоіереѣ Іосифѣ. Архипастырь молитвенно съ нами, онъ молится за тебя съ нами, онъ желаетъ тебѣ, почившій собратъ, Царства Небеснаго.

Возлюбленные братіе! испросимъ прощенія у почившаго, простимъ ему все его вольныя и невольныя противъ насъ прегрѣшенія, объединимся въ чувство всепрощенія, внимательно прослушаемъ надгробныя пѣснопѣнія и молитвословія погребальныя и укрѣпимъ себя надеждою на милость Божію,—единими устами и единымъ сердцемъ воцелюемъ Отцу нашему небесному: Со святыми упокой душу новопреставленнаго раба Божія, Священно Протоіерея Іосифа,—*Аминь*.

Протоіерей Г. Ливотовъ.

Некрологъ о. Іосифа Лавровскаго будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ №.

Христіанскій взглядъ на искусство.

„Въ Понедѣльникъ 8-го Августа, въ Парижѣ совершено чудовищное преступленіе”...—Что такое случилось? — тревожно думаетъ читатель, — что за чудовищное преступленіе? Распутный ли сынъ убилъ отца родного съ цѣлью грабежа; или почными злодѣями перерѣзана цѣлая семья вмѣстѣ съ невинными дѣтишками? Нѣтъ,—подобныя преступленія сдѣлались такъ обычны и такъ примелькались, что уже никого не удивляютъ, а отмѣчаются между прочимъ, въ отдѣлѣ происшествій и хроники. Это такъ сообщаютъ о покражѣ изъ музея картины. Читаемъ дальше: „изъ Лувра похищена знаменитѣйшая изъ картинъ музея—„Джіоконда”—кисти Леонардо-да-Винчи. Картина эта принадлежитъ къ такимъ шедеврамъ эпохи Возрожденія, какъ „Сикстинская Мадонна” Рафаэля, цѣнность которыхъ не поддается исчисленію. Безуспѣшные пока поиски похищенной картины породили всевозможныя легенды, въ которыхъ такъ же трудно разобраться, какъ въ загадочной улыбкѣ самой „Джіоконды”. Анри Рошфоръ, состоящій членомъ Комитета патронажа Лувра, предложилъ назначить милліонъ франковъ въ награду лицу, которое доставитъ „Джіоконду”. Кромѣ того, правительство обезпечитъ безнаказанность вору, если онъ добровольно возвратитъ картину”... („Огонекъ” № 34).

Вотъ то чудовищное преступленіе, которое совершено въ Парижѣ въ Понедѣльникъ 8-го Августа. Цѣлый мѣсяцъ ужъ газеты всего міра, а также и наши, русскія, заняты этой сенсаціонной вѣстью. „Джіоконда”, „По слѣдамъ Джіоконды”, „Къ дѣлу о похищеніи Джіоконды”—такіе и подобные заголовки нестрятъ въ газетахъ, а снимки съ „Джіоконды” помѣщены во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ и недѣльныхъ приложеніяхъ къ газетамъ.

Насъ, въ настоящемъ случаѣ, менѣе всего занимаетъ внѣшняя обстановка событія. Время выяснитъ, конечно, украли ли картину обыкновенные воры, пробравшись въ музей во время ремонта, подъ видомъ каменщиковъ, или же это есть искусная махинація, скрытыми виновниками которой являются видные общественные дѣятели, съ цѣлью такимъ путемъ добиться увольнения распущенной администрации музея, чтобы самимъ занять это теплое мѣсто. Какъ сказано въ приведенной выпискѣ, вокругъ и по поводу событія этого создаются всевозможныя легенды. Но мы не станемъ останавливаться на этомъ. Насъ занимаетъ только вопросъ, почему это пропажа какой то картины, хотя бы и такъ называемаго „шедевра живописи“, — составила вдругъ событіе такой чрезвычайной важности, что заняла собою вниманіе всего міра; и дѣйствительно ли эта картина представляетъ такую моральную цѣнность, что покражу ея можно, не краснѣя, называть чудовищнымъ т. е. экстраординарнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ преступленіемъ, тогда какъ, напр., о частыхъ обворованіяхъ церквей газеты не считаютъ нужнымъ даже упоминать; и если такъ, — то почему это такъ, т. е. почему именно эта картина представляетъ „такое громадное психическое сокровище, которому и цѣны не сложить“, по выраженію одной газетной замѣтки; и въ чемъ критерій для опредѣленія дѣйствительной цѣнности того или другого произведенія искусства; и что такое, наконецъ, истинное искусство, въ чемъ его сущность и какія цѣли должно оно имѣть въ виду?...

Пусть не подумаетъ кто либо, что такія разсужденія и, особенно, подобная постановка вопроса—излишни или неудобны, тѣмъ паче въ специально-церковномъ органѣ. Намъ, пастырямъ словеснаго стада, въ особенности—проходящимъ свое служеніе въ городскихъ приходяхъ (каковыя—по преимуществу въ здѣшнемъ краѣ), — очень часто бываетъ невозможно уклониться отъ выраженія своего мнѣнія даже по такимъ вопросамъ, которые не относятся непосредственно къ сферѣ нашей дѣятельности, какъ священнослужителей. Таковъ, напр. поднятый нами вопросъ. Съ легкаго голоса газетъ, поддерживающихъ интересъ ежедневно новыми сообщеніями, — о немъ теперь говорятъ вездѣ, толкуя вкривь и вкосъ, высказывая сужденія, въ большинствѣ съ чужого голоса, — дикія, самопротиворѣчивыя, лишеныя отправнаго пункта, — приглашая иногда и священника высказать свое мнѣніе, а то такъ и прямо прося объ этомъ. И неужели намъ, въ такихъ случаяхъ, предпочтительнѣе отговариваться незнаніемъ или отвѣчать, что это *не по нашей специальности?* Нѣтъ, это было бы и неосновательно и жестоко по отношенію къ вопрошающимъ, изъ коихъ многіе обращаются къ священнику, какъ къ признанному авторитету,

съ хорошей цѣлью узнать истину. Въдѣ область дѣятельности пастыря не должна замыкаться въ тѣсныя рамки священнослужителя и требоисправителя, а должна охватывать всю жизнь пасомыхъ—со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея проявленіяхъ. Не участвуя непосредственно во многихъ изъ проявленій мірской жизни, одно одобряя, другое осуждая, третье считая безразличнымъ,—мы, однакоже, не имѣемъ права уклоняться отъ выраженія своего сужденія. Да и, наконецъ, вопросы искусства, къ которымъ принадлежитъ и нашъ случай, относятся къ области духа человѣческаго, а въ этой области по преимуществу—рѣшающій голосъ долженъ принадлежать намъ, пастырямъ Церкви.

Попробуемъ же установить правильный взглядъ на это „событіе“ и связанные съ нимъ вопросы.

Пропавшая картина представляетъ собою поясной портретъ одной женщины, въ современномъ художнику костюмѣ. Хотя по каталогу эта картина и называется „Монна Лиза, прекрасная супруга Франческо-дель-Джіокондо“; но обыкновенный, не посвященный въ тайны искусства зритель напрасно будетъ искать въ портретѣ чего либо прекраснаго. Некрасивая женщина, съ неестественной улыбкой на искривленныхъ губахъ, съ ненатурально положенными одна на другую кистями рукъ... „Что же тутъ хорошаго?“ тоскливо спрашиваетъ самъ себя каждый, — однако, вслухъ не рѣшается высказать свое недоумѣніе, изъ боязни показаться профаномъ, невѣждой и т. д. „Весь міръ восторгается, весь міръ считаетъ шедевромъ исключительной цѣнности; говорятъ, будто „на лицѣ ея застыла вѣковѣчная улыбка, таинственная, куда то зовущая, что то говорящая“.. Неужели же я въ самомъ дѣлѣ такой невѣжда, что не понимаю того, что такъ ясно для всѣхъ? Но въдѣ понятна же мнѣ красота другихъ великихъ произведеній искусства, напр. той же Рафаэлевской Мадонны, съ которой въ параллель ставится эта „Джіоконда“, — почему же здѣсь?.. И бѣдный обыватель тщетно насилуетъ свою фантазію, стараясь отыскать хоть что нибудь по своему вкусу въ картинѣ, которая ему продолжаетъ не нравиться. Такъ думаютъ, разглядывая знаменитую картину, не одинъ и не два изъ зрителей. Безъ преувеличенія скажемъ, что такъ думаютъ всѣ, если подъ этимъ правильно разумѣть все громадное большинство такъ называемаго *публики*, за исключеніемъ небольшой, сравнительно, кучки присяжныхъ цѣнителей и законодателей въ этой области, такъ называемыхъ *эстетиковъ*. Но мы далѣе выяснимъ, насколько и сами эстетики понимаютъ то, что хотятъ представить предъ нами такимъ несомнѣннымъ и не требующимъ доказательствъ.

Что „Джіоконда“ Леонардо-да-Винчи имѣетъ цѣнность, — и большую, — объ этомъ едва ли кто будетъ спорить. Но цѣнность эта относительная, и

именно—поскольку картина эта является однимъ изъ памятниковъ историческаго развитія живописи. Л.-да-Винчи былъ однимъ изъ художниковъ, подвинувшихъ далеко впередъ искусство живописи не только въ отношеніи техники, но (что ставится ему въ главную заслугу) въ отношеніи идейнаго содержанія, котораго въ то время начали требовать отъ живописи. Однако, еще до него, въ этомъ же направленіи, работали напр. Беллини и Перуджино, а одновременно съ нимъ, и вовсе не въ зависимости отъ него—Микель Анджелло, Рафаэль и Корреджіо,—своей дѣятельностью даже затмившіе его. Но пусть онъ великъ въ своей спеціальности, и его произведенія заслуживаютъ считаться шедеврами и быть украшеніемъ музеевъ,—повторяемъ, историческое значеніе за такими произведеніями всякій согласится признать. Но когда насъ стараются увѣрить, что передъ нами великое произведеніе гениальнаго мастера, воплощающее въ себѣ столь же гениальную мысль; что картина безъ словъ выражаетъ эту великую мысль всякому умѣющему чувствовать и понимать,—мы, возмущенные, отвѣчаемъ, что если бы подобное что нибудь было въ картинѣ, это видѣлъ бы всякій человекъ, обладающій здравымъ умомъ и чувствами; если же мы ничего подобнаго не видимъ,—значить, въ ней ничего этого и нѣтъ. А это именно происходитъ въ данномъ случаѣ. Первой мыслью, при первыхъ извѣстіяхъ о похищеніи „Джіоконды“, у каждаго читателя было: „что представляетъ изъ себя эта знаменитая картина“? И вотъ появились снимки съ нея, и всѣ почувствовали, что одурачены. „Да что же въ ней особеннаго,—въ этой картинѣ?—думалъ каждый. Газеты, какъ нарочно, избѣгали подобнаго объясненія, словно не представляя себѣ, что могутъ быть такіе невѣжды, которые не понимаютъ, что особеннаго въ „Джіокондѣ“, а скорѣе всего потому, что и сами,—въ лицѣ своихъ редакторовъ и сотрудниковъ,—не понимали этого. Пересыпая свою рѣчь о картинѣ стереотипными фразами, вычитанными изъ каталоговъ и учебниковъ по эстетикѣ,—главнымъ образомъ о ея „въковѣчной, таинственной улыбкѣ, что то говорящей, куда то манящей“,—они, однакоже, не поясняли этого *что то* и *куда то*. Но вотъ удалось намъ напасть на статью профессора Сикорскаго „Психическія цѣнности,—по поводу похищенія Джіоконды“ (Кіевлянинъ, № 229). Проф. Сикорскій занимаетъ при университетѣ кафедру по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, извѣстенъ многими работами по психопатологіи и, именно, въ соединеніи съ физиогномикой и, очевидно, большой поклонникъ искусства и, въ частности, „Джіоконды“. „Если похищенная знаменитая картина,—начинаетъ онъ свою статью, не погибла отъ руки злѣйшаго Герострата, если она снова станетъ предметомъ художественнаго культа,—несчастье не велико; въ противномъ

случаѣ—несчастье неизмѣримо. Потеряны не пять милліоновъ франковъ, въ которые цѣнятся картину,—потеряно психическое сокровище, которому и цѣны не сложить“... Какъ разъ то, что намъ нужно... Проф. Сикорскій, какъ присяжный психологъ, сумѣетъ, конечно, намъ объяснить, какая глубокая мысль скрыта въ этомъ лицѣ, ничего намъ, профанамъ, не говорящемъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь неудача. Послѣ прочтенія разъ и другой замѣтки проф. Сикорскаго, мы остаемся при прежнемъ недоумѣніи. Въ высшей степени туманнымъ языкомъ, какимъ пишутъ почти всегда и всѣ объ искусствѣ, авторъ отдѣляется общими мѣстами о томъ, что словомъ нельзя выразить все богатство душевныхъ движеній, которыя гораздо полнѣе воплощаются въ искусствѣ, и что, поэтому, образцовыя произведенія искусства на вѣчныя времена остаются психическими цѣнностями, являясь совершеннѣйшими выразителями гениальной мысли своихъ творцовъ. Но съ этимъ (въ извѣстной мѣрѣ, впрочемъ) никто и не споритъ. О „Джіокондѣ“ же ни слова. „Страшно,—заключаетъ проф. Сикорскій свою замѣтку,—за утрату знаменитаго произведенія Леонардо-да-Винчи. Гдѣ теперь находится это величайшее безглагольное слово? Какъ у Мадонны Рафаэля, ея молчанье говоритъ. Джіоконда говорила, пока была въ Луврѣ,—въ этомъ царственномъ дворцѣ высшаго психизма“... Но что именно говорила „Джіоконда“, мы такъ и не узнали. Неужели ничего?

II.

Что искусство играетъ очень большую роль въ современной мірской жизни,—это вѣдь сомнѣнія. Даже, пожалуй, слабо будетъ выразиться такъ. Нѣтъ,—оно положительно преобладаетъ въ жизни; разнообразными своими отраслями, изъ которыхъ главнѣйшія—музыка, живопись и литература,—словно щупальцами, оно всосалось въ самыя нѣдра жизни, отодвинувши на задній планъ даже науку, даже религію. Науку оно привлекаетъ даже на служеніе себѣ и имѣло неоднократно притязаніе замѣнить собой религію (напр. по Шиллеру). И сколько труда, ума, энергіи, жизней человѣческихъ поглощаетъ оно! Самыя громадныя фабрики работаютъ для него, самыя красивыя зданія готовятъ жрецовъ искусства или служатъ ему храмами, подъ названіемъ музеевъ, самыя роскошныя магазины хранятъ сокровища искусства къ услугамъ цѣнителей. Можно смѣло сказать, что главныя усилія ума и воли человечества направлены на служеніе этому новому Молоху. Но немногіе служатъ этому богу сознательно, отдавая себѣ отчетъ, кому служатъ и почему; громадное же большинство влечется по инерціи за толпой, въ страстной жадѣ устроить жизнь не какъ можно лучше, а какъ можно красочнѣе, разнообразнѣе, интереснѣе,—мѣняя, подобно дикарямъ, чистое зо-

лото на блестящія бусы изъ стекла. Но объ этомъ —потомъ, теперь же посмотримъ, какъ опредѣляется понятіе объ искусствѣ въ наукѣ по этому предмету, называемой *эстетикой*.

Что такое искусство? Искусство есть умѣнье наилучшимъ образомъ воспроизводить прекрасное, красоту. Это опредѣленіе, помимо бѣльшей или меньшей полноты въ выраженіи, — вообще не вызываетъ возраженій. Но что такое красота, какъ объектъ, который признано воплощать собою искусство? Здѣсь между эстетиками идетъ такая разногласія, какую наврядъ ли можно встрѣтить по другому вопросу въ наукѣ и философіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, а также и для курьеза, — приведемъ афористически опредѣленія красоты у главнѣйшихъ эстетиковъ, начиная съ основателя этой науки, Баумгартена. По нему, красота есть совершенное познаніе не разумомъ, а чувствомъ и выражается въ симметріи отдѣльныхъ частей и въ ихъ отношеніи къ цѣлому; По Зюльцеру и Мендельсону — красота есть только то, что содержитъ въ себѣ добро; Винкельманъ, а за нимъ Гете, Лессингъ, Гердеръ и др. различаютъ красоту формъ, идеи и выраженія и считаютъ античное искусство осуществленіемъ красоты; Кантъ, Шиллеръ, В. Гумбольдъ считаютъ красотой то, что необходимо нравится, безъ мысли о цѣли или практической выгодѣ; по Фихте — красота находится не въ мірѣ, а въ прекрасной душѣ; по Мюллеру — есть двѣ красоты: общественная (античная) и индивидуальная (новое искусство); по Шеллингу — красота есть созерцаніе вещей самихъ въ себѣ, какъ онѣ находятся въ основѣ всѣхъ вещей; по Гегелю — красота есть проявленіе идеи; Гербартъ утверждаетъ, что красоты самой въ себѣ нѣтъ и не можетъ быть, а есть только наши сужденія о предметахъ; по Тэню — красота есть проявленіе сущности предмета высшее даже, чѣмъ въ дѣйствительности; по мнѣнію русскаго проф. Амфитеатрова, красота есть идеализація индивидуальнаго и индивидуализація идеальнаго и выражается къ полной гармоніи формы и содержанія; по Шербюлье — красота есть иллюзія, и только кажется прекраснымъ то, что характерно и гармонично; Рейдъ признаетъ красоту только въ зависимости отъ созерцающаго; по Дарвину — красота есть чувство, свойственное въ равной мѣрѣ человѣку и животнымъ; по Спенсеру и Аллену, ощущеніе красоты — процессъ чисто физиологическій; по Тодхунтеру, наконецъ, красота зависитъ отъ вкуса и не можетъ быть ничѣмъ опредѣлена.

Мы выписали опредѣленія предмета только самыхъ выдающихся эстетиковъ, такъ сказать — главарей школъ, — минуя менѣе извѣстныя имена, а нѣкоторыя сознательно опустивши, напр. Шопенгауера, Гюйо и др., за невозможностью изложить удобопонятнымъ языкомъ ихъ мысли. Но если взять

во вниманіе, что за эти почти двѣсти лѣтъ ни одинъ изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ ученыхъ, философовъ, художниковъ, критиковъ, писателей, публицистовъ и т. д. не обошелъ вопроса объ искусствѣ, — въ цѣлыхъ ли трактатахъ, въ статьяхъ, или просто въ афоризмахъ выражая о немъ свое мнѣніе, — то получится такой калейдоскопъ противорѣчій, въ которомъ ничего опредѣленнаго не увидишь, который только слѣпнеть глаза и заставляетъ отворачиваться. Что нашъ выводъ въ данномъ случаѣ не отличается пристрастностью, можно видѣть изъ словъ знаменитаго въ послѣднее время нѣмецкаго ученаго Шасслера, который въ своей эстетикѣ, считающейся классическимъ въ своемъ родѣ трудомъ, между прочимъ говоритъ: „едва ли въ какой либо области философскихъ наукъ можно встрѣтить такіе грубые до противоположности способы изслѣдованія и способы изложенія, какъ въ области эстетики. Съ одной стороны, изящная фразистость безъ всякаго содержанія, отличающаяся болѣею частію самой односторонней поверхностностью: съ другой стороны, при безспорной глубинѣ изслѣдованія и богатствѣ содержанія, отталкивающая неуклюжесть философской терминологіи, облекающая самыя простыя вещи въ одежду отвлеченной научности какъ бы для того, чтобы сдѣлать ихъ достойными вступленія въ освѣщенные чертоги системы, и, наконецъ, между этими обоими приемами изслѣдованія и изложенія — третій, составляющій какъ бы переходъ отъ одного къ другому, — приемъ, состоящій въ эклектизмѣ, щеголяющемъ то изящною фразистостью, то педантическою научностью... Такой же формы изложенія, которая бы не впадала ни въ одинъ изъ этихъ трехъ недостатковъ, а была бы истинно конкретной и, при существенномъ содержаніи, выражала бы его яснымъ и популярнымъ философскимъ языкомъ, нигдѣ нельзя рѣже встрѣтить, какъ въ области эстетики“. Но въ такомъ случаѣ, не въ правѣ ли мы думать, что многіе изъ эстетиковъ сами себѣ не отдають ясно отчета въ опредѣленіи предмета, разъ каждый изъ нихъ отрицаетъ предыдущія опредѣленія и изобрѣтаетъ свое? А толпа, какъ толпа, — идетъ за тѣмъ, кто сумѣлъ составить себя имя и стать *авторитетомъ*, — идетъ не только въ хорошемъ, но и въ заблужденіяхъ, одни — не рѣшались, а другіе — не умѣя составить себѣ собственное сужденіе. А боязнь прослыть отсталымъ побуждаетъ принимать на вѣру всякій вздоръ, особенно въ областяхъ, съ которыми знакомъ только съ чужого голоса; а искусство для большинства и принадлежитъ именно къ такимъ областямъ. Вотъ и получается такая аномалія, что пропажа изъ музея картины вызываетъ во всемъ мірѣ такой шумъ, словно ни вѣсть что случилось, хотя о картинѣ этой только и можно сказать, что въ ней никто ничего хорошаго не видитъ. Однако, всѣ считаютъ

нужнымъ притворяться въ этомъ потому только, что болѣе четырехъ сотъ лѣтъ назадъ „Джіоконда“ была признана шедевромъ тогдашними авторитетами. Но вѣдь что было естественно тогда, то не умно теперь. Извѣстно, что Л.-да-Винчи жилъ въ такъ наз. эпоху Возрожденія, когда всѣ искусства возвращались на образцахъ классической древности, стараясь не только рабски подражать имъ въ техникѣ, но и заражаясь принципомъ античнаго искусства. А принципъ античнаго искусства—совершенство внѣшней формы, красота тѣла. „Джіоконда“ Л.-да-Винчи въ этомъ отношеніи, особенно, въ смыслѣ технического мастерства, представляла дѣйствительно шедевр—въ то время, еще не богатое образцами самостоятельнаго творчества. Но наше время, къ счастью, уже освободилось отъ этой попытки пересадить на христіанскую почву языческое міровоззрѣніе. И правильно понимаемое искусство имѣетъ другіе идеалы и преслѣдуетъ иныя цѣли. И опредѣленіе искусства и связанныхъ съ нимъ понятій для насъ — христіанъ должно быть не путанное и разнорѣчивое, какъ мы видѣли это въ вышеприведенныхъ выпискахъ, а ясное, точное, опредѣленное и единственно истинное. Какое же?

III.

Человѣкъ проявляетъ себя въ жизни двоякимъ путемъ, соотвѣтственно двойственности своей природы,—тѣлесно и духовно. Когда мы, испытывая жажду, пьемъ, голодные—ѣдимъ, усталые—ложимся и т. д., — мы знаемъ, что это функционируетъ наше тѣло, проявляя свои потребности во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Но когда, пораженные тапнственной красотой звѣзднаго неба, или величіемъ водной стихіи, безопадной въ своей ярости или безпредѣльной въ спокойствіи, мы, въ сознаніи своего ничтожества, готовы преклониться предъ величіемъ Творца; когда, наблюдая солнечный закатъ холоднымъ осеннимъ вечеромъ, мы ощущаемъ въ сердцѣ чувство безотчетной тихой грусти; когда, при видѣ людской нищеты и страданія, мы проникаемся жалостью и состраданіемъ, — все это сокровенная работа духа. И подобно тому, какъ дѣятельность тѣла проявляется въ извѣстныхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ,—и духъ человѣческой стремится проявить себя чувственнымъ образомъ. Рожденные въ сокровенныхъ глубинахъ ума и сердца—мысли и чувства должны излиться, должны быть выражены въ видимыхъ для всѣхъ формахъ, и только послѣ этого получается полное нравственное удовлетвореніе. Это—потребность человѣческаго духа, сколько всеобщая, столько же и нескоренная. Всякому приходилось испытывать, какъ гнететъ душу не только чувство невысказанной скорби, но и чувство нераздѣленной радости. Что либо, поразившее вдругъ наше воображеніе, мы спѣ-

шимъ передать другимъ; въ радости, въ уныніи—мы про себя напѣваемъ безъ словъ веселые или грустные мотивы. Все это—доказательство того, что впечатлѣнія нашего духа, по присущей сердцу потребности, стремятся наружу изъ своего источника, стремятся излиться, проявиться въ чувственныхъ образахъ и формахъ. На этой потребности духа основано внѣшнее богопоклоненіе; на этой же потребности основано и искусство.

Главнымъ средствомъ для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ является *слово*, въ видѣ обыкновенной повѣствовательной формы. Но даже слово не удовлетворяется привычной формой рѣчи, а ищетъ болѣе красивыхъ, звучныхъ и образныхъ выраженій, размѣренныхъ и рифмованныхъ строкъ, приближающихъ лирическую поэзію къ музыкѣ. Наиболѣе же тонкія, въ буквальномъ смыслѣ *невъра-зими*я словомъ ощущенія выражаются въ другихъ формахъ искусства,—главнымъ образомъ—въ *музыкѣ, танцѣ и живописи*. Въ смыслѣ передачи не мысли, а ощущеній души, мало сознаваемыхъ, мало уловимыхъ, эти послѣднія имѣютъ преимущество передъ словомъ, особенно музыка. Но они съ такимъ же успѣхомъ способны выражать идею, мысль, особенно живопись. Такимъ образомъ, живопись наравнѣ съ словомъ являются въ искусствѣ формами, посредствомъ которыхъ художникъ можетъ выразить свою мысль наиболѣе ясно и точно. Если въ архитектурѣ возможны споры о томъ, напр., понятно ли выражена въ стрѣльчатыхъ сводахъ готическихъ храмовъ идея стремленія духа человѣческаго въ высь, или нѣтъ,—а многочисленные шпицы на крышѣ такихъ храмовъ напоминаютъ ли, дѣйствительно, пальцы, указывающіе въ небо; если критики и обыкновенные слушатели могутъ быть несогласны между собою въ оцѣнкѣ того, что представляютъ изъ себя произведенія такихъ музыкантовъ, какъ напр. популярный въ послѣднее время, и даже знаменитый Р. Штраусъ: самую ли высшую форму музыки, или по просту дикую какофонію,—то относительно изящной литературы и живописи не должно быть такихъ разногласій... Напр., въ такъ называемой *программной музыкѣ*, слушая игру оркестра и справляясь по программѣ, вы узнаете вдругъ, что вотъ это играется *восходъ луны*, а это *буря на морѣ*, это—*разбивается корабль у береговъ*, а дальше—*счастливая жизнь влюбленныхъ* (напр. „Буря“ Чайковского и др.) и т. д. Вы всячески насилуете свое воображеніе, но ничего подобнаго аналогичнымъ впечатлѣніямъ не ощущаете. Однако, было бы не всегда справедливо думать, что художникъ просто захотѣлъ морочить доверчивую публику. Очень вѣроятно, что въ моментъ созданія своего произведенія предъ нимъ носились всѣ эти картины, и онъ силился воплотить ихъ въ звукахъ. Къ сожалѣнію для него, музыка ограничена въ своихъ средствахъ,

и изобразительность, особенно зрительных впечатлѣній—въ ея сферы. Поэтому, если и можно въ музыкѣ выразить самыя нѣжныя, тонкія и неуловимыя чувствованія сердца, то только въ самомъ тѣсномъ и отвлеченномъ смыслѣ: восторгъ, грусть, торжественное настроеніе, а *отчего?*, *по какому поводу?*,—это каждый разрѣшаетъ субъективно.

Не то съ словомъ и живописью. Что слово обладаетъ всѣми данными для точнаго и яснаго выраженія мысли и чувства, — это само собой понятно. Но то же самое можно сказать и о живописи, а въ нѣкоторомъ отношеніи она даже превосходитъ слово. Именно, въ то время, какъ слово, ясно выражая мысль, идею, часто бессильно въ своихъ описаніяхъ внѣшней обстановки,—живопись владѣетъ всѣми красками радуги для передача тончайшихъ оттѣнковъ внѣшности, а посредствомъ соответственнаго сюжета свободно выражаетъ самыя глубокія мысли, часто съ поразительной силой и ясностью.

Эта двойная форма выраженія для живописи, — именно *техника* и *сюжетъ*, — характерна и для всего искусства. *Что* выразить и *какъ* выразить — вотъ задача для всякаго рода искусства. Путемъ выясненія этихъ двухъ предпосылокъ, мы и опредѣлимъ искусство, какъ оно должно быть, по нашему мнѣнію, понимаемо.

IV.

Духовные дары даны намъ Богомъ не для того, конечно, чтобы мы упражняли ихъ въ отрицательномъ направленіи. Если мы признаемъ, что главная цѣль человѣческаго существованія есть стремленіе къ совершенству, то, слѣдовательно, всѣ силы своей природы должны направлять именно къ этому. Быть лучше и лучше, нравственнѣе и нравственнѣе — вотъ наша задача. И мы не только сами въ себѣ должны сознать эту мысль, но и выражать ее всякими способами, какіе въ нашемъ распоряженіи. *Будьте совершенны, какъ Отецъ Небесный*, призываетъ насъ къ совершенству Божественный Учитель и Онъ же учитъ насъ всю жизнь во внѣ выразить такое наше настроеніе, чтобы и другіе, видя это, прославили Отца Небеснаго. Изъ этой мысли должно исходить и искусство. Удовлетворяя естественную потребность духа проявиться внѣшнимъ образомъ, мы не должны забывать при этомъ случаѣ нравственной стороны предмета. *Какъ* мы должны выражать это наше нравственное настроеніе, — это имѣетъ второстепенное значеніе, потому что предоставляется умѣнию каждаго и относится къ области техники. Конечно, каждый, въ своемъ родѣ творчества, старается сдѣлать это получше, а художники специализируются въ техникѣ для того, чтобы выразиться — каждый въ своемъ родѣ искусства — *какъ можно лучше*. Это послѣднее выраженіе и можно считать

принципомъ технической стороны искусства: *выразить, какъ можно лучше*. Но *что* выразить? Это вопросъ гораздо большей важности, но столь же опредѣленный и не оставляющій мѣста сомнѣнію. *Выражать должно только то, что нравственно*. Художникъ, какъ человѣкъ, больше другихъ одаренный Богомъ, — по призванію очевидно, часто безсознательно для самого себя, — имѣетъ право быть учителемъ, руководителемъ другихъ. Обладаетъ ли онъ даромъ слова, дана ли ему способность выражать свои думы красками на полотнѣ, вложилъ ли ему Богъ въ сердце даръ слагать чудныя мелодіи, — всегда его дѣятельность должна быть направлена къ одной высокой цѣли: учить только хорошему, только нравственному. Поэтому, если искусство, по очевъ вѣрному выраженію нашего знаменитаго критика (Бѣлинскаго), есть способность мыслить образами, то мы, болѣе опредѣленно только скажемъ, что *искусство есть умѣнье* (искусство тожъ) *мыслить и чувствовать образами и при томъ нравственно*. Исходя изъ такого опредѣленія, мы поймемъ прежде всего, что искусство не есть нѣчто, до такой степени замкнутое въ себѣ, что требуется особый ключъ для того, чтобы проникнуть въ тайны этого понятія, и что всякое искусство только тогда есть настоящее искусство, когда оно выражаетъ, во первыхъ, *хорошую* мысль и во вторыхъ, выражаетъ ее *понятно для всякаго*. Если же миллионы людей, хотя бы и не специалистовъ, но для которыхъ именно и творятъ художники, — не понимаютъ, что выражаетъ данное произведеніе, то значить, это есть произведеніе или неумѣлаго, или ненужнаго искусства. Ибо главнѣйшій принципъ техники искусства требуетъ отъ художника, чтобы онъ выражалъ свои мысли какъ можно лучше, т. е. какъ можно понятнѣе для тѣхъ, для кого и предназначены его творенія быть безглагольнымъ словомъ. Вѣдь все это безобразное направленіе искусства въ послѣднее время, подъ названіемъ декадентства, импрессионизма, символизма и т. д., и основано именно на той ложной и безцѣльной мысли, что художникъ творитъ бессознательно и только самъ можетъ быть судьей своихъ твореній. И писали и рисовали всякую чушь, выдавая ее за „творчество“, да еще снабжая непременно загадочными и напыщенными заголовками. И объюродѣли всѣ. И до какихъ геркулесовыхъ столбовъ безсмыслія дошли, можетъ свидѣтельствовать курьезный фактъ, имѣвшій мѣсто въ Парижѣ, — когда какіе то шутники, привязавши къ хвосту взятаго на прокатъ осла кисть, обмакивая ее въ разныя краски, заставили его водить ею по полотну; затѣмъ, подъ пышнымъ названіемъ „И солнце заснуло подъ Адриатическимъ моремъ“ — „картина“ была сдана на выставку, какъ произведеніе молодого таланта *Боронали* (анagramма слова *Aliboron* — осель). Принятая въ Салонѣ „независимыхъ“

восторженно, она производила даже сенсацию среди „знатоковъ”, пока не обнаруженъ былъ обманъ (см. № 13228 Нов. Вр. и Иллюстр. прилож. отъ 16 Апр. 1910 г.). Вотъ до какихъ курьезовъ можно дойти, не имѣя твердой почвы въ опредѣленіи понятій. Наше опредѣленіе искусства и позволяетъ не считать эту область чѣмъ то неприкосновеннымъ, священнымъ, о которомъ непосвященные смѣютъ судить не иначе, какъ съ голоса авторитетовъ,— а свободно и смѣло судить и различать разные роды искусства въ ихъ отношеніи къ высшей цѣли. Подобно тому, какъ поступки человѣка бываютъ хорошіе, дурные и безразличныя, такъ и искусство, какъ выраженіе нравственнаго настроенія, можетъ быть *хорошее, дурное и безразличное, —ничтожное.*

Пояснимъ нашу мысль примѣрами, взявши ихъ хотя бы изъ одной живописи, какъ главнаго предмета нашей статьи.

Искусство, какъ долженствующее выражать мысли и чувства художника, должно быть непременно, въ большей или меньшей мѣрѣ, *поучительнымъ.* Если же этого нѣтъ, если просто зарисовывается ви́шнее событіе, безотносительно къ его нравственной цѣнности,—такое искусство можно считать *безразличнымъ.* Къ такого рода искусству принадлежатъ, напр., произведенія такъ называемой *батальной живописи,* а также *исторической,* если они являются только иллюстраціями готоваго книжнаго текста, а не трактуются художникомъ особеннымъ образомъ, съ цѣлью выразить собственную тенденцію.

Какъ на переходъ къ высшей, идейной живописи—можно смотрѣть на такъ называемую *пейзажную живопись.* Дѣйствуя непосредственно на настроеніе, она внушаетъ намъ часто безотчетныя но добрыя чувства отъ сознанія собственного ничтожества предъ величіемъ природы и благоговѣніе къ Творцу.

Но высшій родъ живописи тотъ, который отчетливо выражаетъ въ образѣ извѣстную мысль или идею, зародившуюся въ глубинѣ ума и сердца художника. Правда, нѣкоторые изъ жрецовъ искусства считаютъ высшимъ родомъ, вѣнцомъ живописнаго творчества *портретную живопись,* увѣряя, что здѣсь именно художникъ можетъ выразить свою идею наиболѣе полно и ясно. Но такъ увѣряютъ господа, желающіе дѣлать изъ самой понятной вещи нѣчто сакраментальное. Если бы же мы захотѣли разобраться, почему это такъ, то снова запутались бы въ такой массѣ противорѣчій и просто непонятнаго, изъ которой выходъ почти невозможенъ. Примѣромъ для этого можетъ служить та же „Джіоконда”. По нашему мнѣнію, высшій родъ живописи, какъ наиболѣе понятно выражающій мысль художника,—это такъ называемая *жанровая* или *бытовая живопись.* Въ ней самую глав-

ную роль играетъ не техническая сторона, а *сюжетъ,* какъ форма, въ которую вылилась мысль художника. Всѣ безчисленныя явленія бытовой, обыденной жизни, а также фантастическіе сюжеты на разные психологическіе, моральные и даже философскіе мотивы изъ жизни человѣка—находятъ себѣ здѣсь самое полное, яркое и понятное отображеніе. Этотъ родъ живописи особенно близокъ уму и сердцу человѣка, и такъ понятенъ каждому, что можетъ быть по справедливости названъ *безглагольнымъ* словомъ. Отдѣлъ бытовой живописи, какъ наиболѣе обширный и популярный, имѣетъ массу превосходныхъ образцовъ. Напомнимъ, для иллюстраціи нашей мысли, о нѣкоторыхъ, пришедшихъ намъ на память.

Что можетъ быть понятнѣе для каждаго и нравственнѣе по мысли, какъ напр. картина, кажется, художника Ярошенко, подъ названіемъ „Всюду жизнь”. На какой то желѣзнодорожной станціи остановился поѣздъ съ арестантами. На главномъ планѣ—вагонъ съ рѣшетчатымъ окномъ, откуда выглядываютъ, тѣсясь, нѣсколько обритыхъ головъ. Впереди всѣхъ у самой рѣшетки,—исхудавшая, съ болѣзненнымъ, печальнымъ лицомъ женщина съ ребеночкомъ на рукахъ. Ребенокъ видать, какъ на платформу, очевидно что то примѣтивши, слетаетъ съ крыши стая голубей, и радостно протягиваетъ къ нимъ сквозь рѣшетку ручки и заразительно смѣется... Есть еще, напр., картина Богданова-Бѣльскаго, не помню, подъ какимъ названіемъ. Въ перспективѣ изображенъ классъ деревенской школы, гдѣ на скамьяхъ сидятъ ребятишки и ишутъ подъ диктовку учителя. А на главномъ планѣ, у открытой двери класса, стоитъ оборванный нищій мальчикъ, съ котомкой за плечами и палкой,—и съ тоскливой, не дѣтской думой смотритъ на сверстниковъ-учениковъ.. А то еще припоминается картина,—не помню, чья,—снимки съ которой помѣщались журналами въ годъ японской войны, вълѣдствіе чего особенно усиливалось и безъ того поразительное впечатлѣніе. Изображено поле ночью, послѣ сраженія, усыянное трупами, застывшими въ мучительныхъ положеніяхъ. И среди труповъ проходитъ Христосъ Спаситель, закрывши лицо руками. Божественнаго лика не видно, но во всей фигурѣ, въ позѣ наклонной головы чувствуется такая неизмѣримая скорбь, которая заставляетъ и ваше сердце сжаться положительно молитвенной скорбью.

Къ сожалѣнію, искусство, будучи отображеніемъ внутренняго настроенія художника,—можетъ такъ же свободно выражать и безнравственное содержаніе и опасныя мысли. И сколько на рынкѣ этого товара, ходкаго въ высшей степени, потому что потворствуетъ грѣховному, испорченному вкусу толпы! И отдѣльныя фигуры, подъ именемъ „Фринь”, „Клеопатръ”, „Діань”, „Венерь” и т. д.,

и цѣлыя композиціи изъ древне-греческой, римской и современной жизни, въ которыхъ главную роль играютъ обнаженное женское тѣло,—дѣйствуютъ раслѣбляюще не меньше, чѣмъ циничные романы и повѣсти нѣкоторыхъ безнравственныхъ писателей. А примѣромъ того, что художество можетъ проповѣдывать и опасныя мысли, можетъ служить, напр., картина русскаго художника Ге, подъ названіемъ „Что есть истина?“, на которой нашъ кроткій Христосъ Спаситель изображенъ злобнымъ революціонеромъ, непримримо и презрительно глядящимъ изподлобья на Пилата, или еже же „Распятіе“, гдѣ въ лицѣ и во всей позѣ Богочеловѣка, висящаго на крестѣ, изступленное человѣческое страданіе изображено съ кощунственной, безбожной реальностью.

Мы съ намѣреніемъ умолчали пока о религіозной живописи. Но она занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто, такъ какъ здѣсь не должно быть простора фантазіи художника ни въ трактовкѣ сюжета, ни въ вышкѣ подробностей,—тогда какъ въ другихъ родахъ живописи фантазія художника играетъ доминирующую роль. Живопись же религіозная, тѣмъ паче иконная, предвазначенная для храмовъ,—должна руководиться готовымъ содержаніемъ Богооткровеннаго ученія, или рабски слѣдовать готовымъ, освященнымъ традиціей Церкви образцамъ, въ строгомъ соотвѣтствіи съ церковной археологіей и исторіей. Какъ опасно уклоненіе въ сторону, могутъ свидѣтельствовать указанныя картины Ге и многія другія въ такомъ же родѣ, а также многіе храмы, въ которыхъ иконная живопись поручается, къ сожалѣнію, безъ разбора, кому пошало.

Резюмируя все сказанное, мы въ правѣ, надѣемся, утверждать, что искусство, какъ проявленіе духа человѣческаго, должно имѣть источникомъ своимъ нравственное настроеніе и съ этой точки зрѣнія оцѣниваться. Хорошо только то, что нравственно—вотъ мѣрка для всѣхъ проявленій человѣческой дѣятельности. А что нравственно и что безнравственно—на это у насъ есть положительныя указанія въ Евангеліи. Ошибка всѣхъ эстетиковъ и состояла и состоитъ именно въ томъ, что они, въ своемъ опредѣленіи прекраснаго, отклоняются отъ христіанской точки зрѣнія, а приближаются, напротивъ, къ языческой, древне-греческой, согласно которой прекрасно только то, что внѣшне красиво, и высшая нравственность есть красота внѣшнихъ формъ здороваго человѣческаго тѣла. Отсюда—антропоморфизмъ. И наши эстетики, стремясь примирить два воззрѣнія—христіанское и классическое,—непримиримыя по существу, даже отрицающія одно другое, оказываются всегда въ положеніи человѣка, желающаго устроиться по-

удобнѣе между двухъ стульевъ. Ложный стыдъ мѣшаетъ имъ сознаться, что неудобно, и они говорятъ и пишутъ всякій вздоръ и путаницу, въ которой и сами не могутъ разобраться. А публика, изъ дѣтства воспитанная вкусъ на подражаніи модному, хотя бы и смѣшному,—и въ этомъ случаѣ охотно подчиняется чужому мнѣнію, загнипозитивированная громкими именами признанныхъ авторитетовъ, часто насилуя собственный здравый смыслъ и не въ конецъ испорченный вкусъ... Покажите всѣ эти образцы декадентской и модернистской живописи—не говоримъ уже крестьянину, а просто человѣку, не испортившему природнаго вкуса и здраваго смысла чрезмѣрной близостью къ городской культурѣ. Онъ, въ лучшемъ случаѣ, пожметъ плечами съ недоумѣніемъ и отвлеченіемъ. Между тѣмъ, истинные образцы искусства должны быть доступны пониманію и воспріятію каждаго: ученаго и неграмотнаго, горожанина и крестьянина. И руководимое принципами, нами указанными, искусство, дѣйствительно, даетъ произведенія высокаго нравственнаго достоинства, точно такъ же какъ, съ другой стороны, и всякій изъ насъ, руководствуясь нравственнымъ сознаніемъ, воспитаннымъ по христіански,—безошибочно сумѣетъ отличить среди художественныхъ произведеній искусства—хорошія, безразличныя и дурныя,—и отъ однихъ отвернуться, а предъ другими преклониться.

Гермонахъ ЮСИФЪ.

3 Сентября 1911 г.

Варшава.

Мѣстные извѣстія.

17 сентября, въ день памяти св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, въ церкви Варшавской 1-ой женской гимназіи Высокопресвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, совершилъ божественную литургію въ сослуженіи протоіереевъ П. Каллистова, К. Голоскевича и Н. и В. Шингаревыхъ. Архипастыря привѣтствовалъ рѣчью законоучитель гимназіи о В. Шингаревъ. За литургіей Архіепископъ произнесъ назидательное слово о силѣ терпѣнія и о значеніи его въ жизни и въ дѣлѣ воспитанія. Послѣ литургіи совершенъ былъ молебенъ, на которомъ возглашались ектеніи о здравіи и исцѣленіи тяжело больной главной воспитательницы гимназіи В. П. Поржецкой. По окончаніи молебна Архіепископъ благословилъ и мужскую, и женскую гимназіи, иконами Св. Іоасафа Бѣлгородскаго, высказавъ пожеланіе, чтобы новоявленный святитель былъ покровителемъ и заступникомъ гимназій. Послѣ

чая въ залѣ гимназіи Архіепископъ посѣтилъ большую В. П. Поржецкую въ ея квартирѣ. Благословляя учащихся, Архіепископъ раздавалъ имъ свои брошюры. На богослуженіи присутствовали управляющій учебнымъ округомъ И. В. Посадскій-Духовской и весь педагогическій персоналъ обѣихъ гимназій во главѣ съ директоромъ.

* * *

25 сентября, въ Кафедральномъ соборѣ Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, совершилъ божественную литургію и послѣ нея молебень преподобному Сергію, Радонежскому Чудотворцу. Предъ литургіею Его Высокопреосвященствомъ были освящены антиминсы для церквей Варшавской епархіи. За литургіею Владыка рукоположилъ въ санъ священника диакона Варшавской Успенской церкви Александра Фортунатова.

З а м ѣ т к а.

Вселенная и человѣчество. Человѣкъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ страдаетъ большимъ сомнѣніемъ.

Для человѣческаго глаза Сатурнъ и Марсъ оказались на одной линіи и покрыли другъ друга.

Явленіе, казалось бы, совершенно понятное, хотя и рѣдко повторяющееся.

Но человѣческой умъ уже склоненъ искать связи между этимъ явленіемъ и его личной жизнью.

Умѣстно будетъ поэтому напомнить человѣку его мѣсто и значеніе въ окружающей насъ вселенной.

Количество это 17 до 18 сотъ милліоновъ человѣческихъ тѣлъ, составляющихъ нынѣ населеніе всего земного шара, составитъ массу, которая займетъ всего только десятую часть куба, сторона котораго равна километру, а масса земного шара измѣряется милліонами такихъ кубовъ.

Вся масса человѣчества составляетъ только десяти-билліонную часть массы земли.

Далѣе, вѣсь зданій, машинъ и прочихъ предметовъ человѣческаго обихода составитъ только билліонную часть вѣса земного шара.

Наконецъ, всѣ города земли, въ которыхъ проживаетъ одна четверть всего человѣчества, занимаютъ вмѣстѣ пространство отъ 20 до 30 тысячъ квадратныхъ километровъ, т. е. одну двадцатитысячную всей поверхности земного шара.

Но, если человѣчество само такъ ничтожно въ сравненіи съ вселенной, то, казалось бы, тѣ силы, которыя оно подчинило себѣ, и которыми оно располагаетъ, велики.

Увы! И здѣсь насъ ждетъ разочарованіе.

Статистики намъ доказываютъ, что вся искусственная энергія, въ видѣ машинъ и аппаратовъ, которыми располагаетъ человѣчество, не превышаетъ энергіи его мускуловъ, а оба вида энергіи, вмѣстѣ взятые, достаточны лишь для

того, чтобы задержать на одну тысячную секунды движеніе земного шара вокругъ солнца.

Если бы Марсъ и Сатурнъ умѣли видѣть и говорить, то они, несомнѣнно, сказали бы, что знаютъ о существованіи земли и находятся съ ней въ извѣстномъ взаимоотношеніи въ смыслѣ влияния другъ на друга.

Но человѣчества они не замѣчаютъ, потому что все оно, вмѣстѣ взятое, только пылинка во вселенной.

Объявленіе.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЕТСЯ КНИГА:
„ТЕОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ“.

(Краткій критическій разборъ его).

Сергіевъ Посадъ. 1910 года. Цѣна 30 коп.+72 стр.

Эта статья весьма и весьма обращаетъ на себя вниманіе. И хотя авторъ называетъ ее „Краткимъ критическимъ разборомъ“, но въ дѣйствительности,—говоритъ журналъ „Вѣра и Разумъ“ (см. № 23, 1910 г., стр. 590),—она очень полно и обстоятельно затрагиваетъ и критически обслѣдуетъ наше современное теософское движеніе. Въ особености весьма сильно и хорошо авторъ устанавливаетъ отношеніе современной теософіи къ христіанству, къ Его Божественному Основателю и къ православно-христіанскому чувству и сознанию вообще. Его очеркъ въ виду быстро распространяющейся въ послѣднее время въ Россіи теософской литературы по всѣмъ отраслямъ и въ виду самыхъ смутныхъ въ обществѣ нашемъ свѣдѣній о теософіи,—дѣйствительно, получаетъ, по выраженію „Церковныхъ Вѣдомостей“,—„важное значеніе“ и заслуживаетъ книга самаго широкаго распространенія. (См. отзывы о ней въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ 1910 г. № 22, 916—917 стр., въ „Вѣру и Разумъ“ № 23, 1910 г., стр. 590, въ „Бог. Библиогр. Листки“ № 5—6, стр. 168—169, № 7—8, стр. 212, 1910 года и т. д.).

Книга продается у Всев. Θεод. Смирнова (Рязань. Духовная Семинарія) и въ Братствѣ св. Василія, еп. Рязанскаго.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Телеграмма къ Его Высокопреосвященству.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Рапортъ Настоятеля Сопотчинской церкви священника Іустина Палецкаго Высокопреосвященнѣйшему Николаю, Архіепископу Варшавскому о вліяніи церковно-приходской школы.—Отъ Варшавской Духовной Консисторіи.—Отъ Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—Списокъ учениковъ Варшавскаго духовнаго училища на 1911—12 учебный годъ.—Отдѣлъ II.—Бесѣда, сказанная 17-го Сентября въ церкви 1-й женской гимназіи—послѣ обѣдни. (О христіанскомъ терпѣніи).—Рѣчь, сказанная новорукположенному священнику Александру Фортунатову.—Слово въ день Рождества Пресв. Богородицы.—Надгробное слово при отпѣваніи Протоіерея Іосифа Лавровскаго.—Христіанскій взглядъ на искусство—Мѣстные извѣстія—Замѣтка.—Объявленіе.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Дозволено Цензурою—Варшава, 1 октября 1911 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.